

100

AV 100-100

Истинный пост есть злых отчуж-
дение, воздержание язы́ка, ярости
отложение, похотей отлучение...

*Из песнопений понедельника
первой седмицы Великого поста.*

ИННОКЕНТИЙ
АРХИЕПИСКОП ХЕРСОНСКИЙ
И ТАВРИЧЕСКИЙ

ПОСТ БЛАГОПРИЯТНЫЙ

ПРОПОВЕДИ НА НЕДЕЛИ
ВЕЛИКОГО ПОСТА

САТИСЪ
ДЕРЖАВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2004

По благословению
Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского
ВЛАДИМИРА

Святителя Иннокентия называли русским Златоустом. Его неподражаемо яркие, проникновенные проповеди собирали множество слушателей.

Он привлекал и покорял сердца духовным светом, широчайшими познаниями и бесконечной любовью. Дары духовные соединялись у святителя с редкостным даром красноречия, ораторского искусства.

Эти проповеди мы и предлагаем вам, благочестивые читатели.

ISBN 5-7373-02741

© Издательство «Сатись»,
оригинал-макет, оформление, 2003

Слова на подготовительные к Великому посту недели

Слово в неделю мытаря и фарисея

О фарисейской праведности

С нынешнего дня, братие, Святая Церковь начинает приготовление к Святой и Великой Четыредесятнице, почему и начала оглашать слух наш трогательным воззванием к покаянию. Заблаговременно начинает Церковь свое дело, ибо великие дела и приготовления требуют немало. У кого есть намерение сразиться с сильным и многочисленным неприятелем, тот заранее собирает силы для его низложения; а какой враг опаснее и хитрее нашей плоти, которая непрестанно воюет на дух наш? Кто предпринимает врачевание упорной и застарелой болезни, тот заранее берет на свои руки недужных и разлучает со многими вещами; а какая болезнь старше и упорнее греха, живущего в нашем сердце? Итак, не будем удивляться и сетовать, если еще до наступления поста будем не раз слышать из уст Церкви воззвание к покаянию: это глас здравия душевного для немощных, глас победы для имеющих выйти на сражение! Напротив, чувствуя всю нежность матернего попечения Церкви о нашем спасении, усугубим внимание и послушание, войдем в ее благие намерения о нас и последуем за ее руководством, как немощные следуют за советами врача, воины за указаниями опытного полководца.

Что же представляет пред очи наши Святая Церковь, изводя нас ныне на поприще покаяния? Представляет двух человек: фарисея и мытаря, – фарисея, хвалящегося своими совершенствами, осуждающего тех, кои не имеют их, и за это самое осужденного Богом; мытаря кающегося, со смирением исповедающего свои грехи и за это самое отходящего в дом свой оправданным. Не без великого намерения, братие, представляются ныне вниманию нашему эти, а не другие, лица. В них должно быть означено, что надобно делать и чего удаляться нам при покаянии. В самом деле, в отношении к покаянию все мы разделяемся на два вида: одни думают, что не имеют нужды в покаянии, и потому или не приносят оно, или каются поверхностно. Таковых Церковь вразумляет примером фарисея. Другие из нас находят для себя нужным покаяние и желали бы принести оное, но не знают, что требуется от кающегося. Таковым Церковь подает наставление в лице мытаря. То и другое наставление весьма ясно и понятно для каждого? Посему нам надлежало бы только обратить наше внимание на картину мытаря и фарисея и сказать от имени Церкви: смотрите и поучайтесь! Но поелику плотский человек наш, для коего покаяние есть смерть, умеет в этом случае и ясное делать темным, то попытаемся пресечь ему пути к тому.

Примером осужденного фарисея Церковь хочет, как мы сказали, вразумить нас, что вся наша праведность не имеет цены пред Богом правды, если не соединена со смирением, что всем нам для получения милости Божией одно средство – покаяние и вера в Искупителя. Но разве кто-либо не верит сим истинам и решится представлять из себя надменного праведника? Подлинно, братие, явно никто не захочет быть фарисеем, но в серд-

це многие остаются фарисеями, сами, может быть, не примечая того. Иначе, скажите, почему некоторые, не отвергаясь, впрочем, веры в Спасителя и упования жизни вечной, вовсе не являются во врачевницу покаяния? Как ни судить, а в основании такого поступка лежит нечто явно фарисейское. Почему многие, и являясь в духовное судилище покаяния, кажутся более судиями, нежели судимыми, скорее дающими, нежели приемлющими? И тут нельзя не заметить духа фарисейского. Почему, наконец, самые добрые, по-видимому, христиане большей частью при покаянии так сухи, холодны, неподвижны, как бы делали что самое обыкновенное, не имеющее ни важных причин, ни важных последствий? Не плод ли и это самодовольства своим состоянием, незнания той тяжести, которую слагают, той бездны, из коей исходят, того дара, который приемлют, то есть не явный ли плод тайного фарисейства? Итак, видите как много из нас походят на духовных фарисеев, при самом поверхностном рассмотрении наших поступков?

Что же может держать людей в ослеплении фарисейском и не дает видеть и своей греховности? То, что можно иметь, и многие действительно имеют, весь вид праведности, не будучи на самом деле истинно праведными. Не чувствовали никогда сильных и открытых припадков зла, живущего в сердце; не имели несчастия преступать нагло пределов правды и долга, не выходили из повиновения уставам Церкви; хранили порядок в жизни и делах, старались заслужить похвалу у людей, заслужили оную, чувствуют нередко одобрение самой совести, – и вследствие всех сих заслуг, добродетелей, похвал думают, что они совершенно здоровы душою, а думая таким образом, естественно, не требуют врача духовного. Вот происхождение всякого фарисейства! Оно утверж-

дается на мнимых добродетелях, и потому тем труднее руке человеческой поколебать его. Кумир праведности кажется так благолепен, что невольно требует поклонения и жертв.

Но, кто бы ты ни был, надменный своей правдою, ты должен оставить ее! Ты не видишь в себе зла; но можешь ли сказать, что видишь в себе все? Апостол Павел, без сомнения, не менее твоего трудился над своим сердцем и жизнью; но что говорит? «Ничесоже в себе свем, но ни о сем оправдаюся» (1 Кор. 4, 4). Почему и сего недостаточно к оправданию? Не по избытку ли смирения это сказано? Нет, по существу самого дела, — потому, что «есть Болий сердца нашего», Который «весть вся» (1 Ин. 3, 20)! Невидное нам видно Ему. Когда Он оправдит нас, тогда токмо мы будем правы. Но Он что говорит нам? Он говорит, и говорит всем, не грешникам токмо, но и самым праведникам, — что «аще речем, яко греха не имамы, себе прельщаем, и истины несть в нас» (1 Ин. 1, 8). Хвались после сего своей правдою и думай много о ней!

«Верую, — скажешь, — свидетельству Божию о моей нечистоте, потому и хожу на исповедь; но не могу приписывать себе тех грехов, коих во мне нет». Но есть ли хотя один грех? Без сомнения, есть. Внемли же, что говорит апостол: «Иже согрешит во едином, бысть всем повинен» (Иак. 2, 10). Как это может быть, спросишь? А как бывает с телом, что один член болит, а все тело нездорово? Если в теле так, кольми паче в душе; ибо душа не имеет такой сложности, как тело: в ней все одно. Притом, кто дал одну заповедь, тобою нарушенную? Не Тот ли, от Кого произошли и все прочие заповеди? Коль скоро ты не уважаешь Законодателя, — а не уважаешь, нарушая Его заповедь, — то уже не уважаешь

и всего Закона. И что значат все заповеди, как не раскрытие одной и той же заповеди – быть святым, «якоже Он свят есть» (1 Пет. 1, 16)? Посему, нарушив одну заповедь, ты нарушил все: «Иже согреши во едином, бысть всем повинен!»

Но совесть твоя не может указать тебе и на один грех, тобою сделанный? Благодарю Господа, сохранившего тебя от явных грехов, но не думай спасти чрез это кумир твоей праведности. Есть другой способ обнажить его срамоту и низринуть с высоты. Внемли! Если бы ты часто видел над горою дым, из нее выходящий, а по временам и искры, что бы ты заключил об этой горе? Не то ли, что внутри ее вулкан? И решился ли бы ты, несмотря на всю красоту и видимую прочность горы, основать на ней свое жилище? Суди таким же образом о своей душе и сердце. Ты не можешь, никак не можешь отрицать, чтобы из этого доброго сердца не выходил по временам дым худых мыслей, чтобы в сей честной душе не появлялись иногда искры нечистых вожделений. Итак, знай, что внутри тебя вулкан зла огнедышащий. Он покоен до времени, ибо не достает потрясений во сне; но тем не менее в нем целый ад зла. И здесь ли, на этой ли горе, на сей ли праведности, ты думаешь основать здание вечного твоего спасения? Явится искушение, подойдет враг – и то, что было вознесено до облаков, низринется до ада; что прельщало взоры, представит груды развалин.

И не то ли самое видится в жизни некоторых людей совершенно неукоризненного поведения? С высоты честной жизни они вдруг низвергаются в бездну какого-либо тяжкого порока, даже предаются всем родам нечестия, а потом отчаянию и самой смерти. Что значит это? Вдруг ли происходит такое превращение? В самом ли деле всемогущая благодать Божия так скоро уступает место и по-

беду греху и диаволу? Нет, в сем случае происходит именно то, что бывает с огнедышащими горами: выходит наружу, что давно скрывалось внутри. Если бы зла давно не было в сердце, то оно не разразилось бы так внезапно и с такой свирепостью, не заняло бы всех входов и исходов жизни, не убило бы вдруг души и тела.

Не будем же превозноситься нашею правдою. Все мы ходим над бездною и без Ангела-Хранителя можем сто раз пасть и разбиться в прах. Ах, что было бы с самыми честнейшими, по мнению света, людьми, если бы благодать Божия предоставила их силе зла, в них живущего!

«Но нельзя же отвергать, что многие из христиан имеют действительные добродетели и обладают немалым совершенством духовным».

И кому же иметь добродетели, как не христианам? Чего не сделано, дабы мы все были добродетельными! Сколько талантов дается для сего каждому! И все ли употребляются в дело? Вместо того, чтобы считать долго, что имеешь и что приобрел, сочти лучше, сколько принял. Нет человека, который бы сделал более, нежели сколько для него сделано, приобрел множае, нежели принял. Чем же гордиться? Ты употребил в дело пять талантов, но можешь ли сказать, что принял только пять? Можешь ли поручиться даже за то, что все это не поддельное золото, коим ты так восхищаешься? Как обыкновенно мы смотрим на добродетели? Почти всегда в увеличительное стекло; напротив, пороки наши представляются нам в стекле уменьшительном. Отбрось пристрастие – и многое тотчас переменится: там, где ты видел один блеск ослепляющий, увидишь пятна и тьму. Пророк удивлялся некогда красоте храма Иерусалимского, представленного ему в видении, и вдруг услышал голос: «Раскопай стену» (*Иезек. 8, 8–10*). Проко-

павши, он увидел в храме мерзости, коих можно ожидать только в домах разврата. Прокопай и ты, недугующий духом тщеславия, прокопай стену твоего самолюбия, вникни в тайные побуждения и цель твоих блистательных подвигов – и, может быть, ты ужаснешься того храма твоей святости, пред коим теперь благоговеешь.

Малые добродетели кажутся нам великими нередко от того, что мы сравниваем их с пороками других, как поступил и фарисей, говоря, что он не хищник, не прелюбодей, как другие. Правильное ли это сравнение? Добродетель должна быть сравниваема не с пороком, а с добродетелями. Сравни же теперь свой пост с постом Иоанна Крестителя, свою веру с верою Авраама – и так далее. Быть не может, чтобы при этом ты не нашел в себе многих недостатков. Сам фарисей, вероятно, не стал бы превозносить себя, если бы вместо мытаря взял для сравнения с собою кого-либо из святых, коими так богата история народа Божия.

Немалым, наконец, пособием против духа гордости может служить и представление великости предназначения, нас ожидающего. Твои добродетели служат предметом похвал для подобных тебе человек; но для человека ли ты должен быть добродетелен? В этом мире и малое может казаться великим. Но будет ли таковым в том новом мире, куда пойдешь ты и должны идти все? Мы должны некогда жить с Ангелами, вступить в общение с Самим Богом. Довольно ли ты чист и для сего? Устоит ли твоя добродетель пред очами Божиими. Исаия провел всю жизнь в подвигах духовных и удостоился избрания в пророки; но когда увидел себя пред Престолом Божиим, то возопил с ужасом: «Окаянен аз человек, яко, нечисты устне имый, Господа Саваофа видех очима!» (Ис. 6, 5), и не прежде успокоил-

ся, как Ангел очистил его прикосновением угля с жертвенника. Ставь, когда придет к тебе дух гордости, ставь себя скорее и ты не пред сонм мытарей или фарисеев, а пред престолом Бога Всесовершенного, – и ты возопиешь гласом Исаии о своей бедности и нечистоте, и все очищающий уголь Тела и Крови Богочеловека соделается для тебя необходимостью.

Но довольно против фарисейской праведности. Должно сказать что-либо в наставление и тех, кои чувствуют свою греховность и желают принести покаяние, но не знают, как лучше совершить это великое дело. Вам, братие, кто бы вы ни были, нельзя дать лучшего совета, как взирать на кающегося мытаря и его поступок. Его глубокое смирение, его надежда на милость Божию, его исповедание своего недостойнства должны быть всегда у нас пред очима. Если бы и за сим потребовалось какое-либо новое вразумление, то в следующую неделю св. Церковь представит еще пример покаяния в блудном сыне, который был совершенно мертв грехами, но потом ожил для Бога и жизни вечной. Идите его путем и придете в дом отеческий. Аминь.

Слово в неделю мясопустную

О приготовлении к посту¹

Вчера мы творили молитвенную память о всех от века преставльшихся отцах и братиях наших; а ныне сами

¹ За «Неделей мытаря и фарисея» в кругу годовых церковных воспоминаний следует «Неделя о блудном сыне», но проповеди на эту неделю у архиеп. Иннокентия нет.

переносимся мыслью в будущее и поставляем себя вместе с ними пред престолом грозного Судии, имеющего решить вечную участь каждого из нас. Судя по сему, если в какой день, то в настоящий прилично нам размышление о своей жизни, исследование своей совести, слезы и плач о грехах наших. Ибо можно ли помыслить о Страшном Суде Божиим и не обратиться в то же время к своей совести? Можно ли обратиться к своей совести и не заметить тотчас, что мы покрыты множеством грехов, что мы все не в таком состоянии, чтобы со светлым лицом явиться пред Того, Кто испытает сердца и утробы? Посему-то одна мысль о Страшном Суде Божиим приводила в трепет самых праведников; и, без сомнения, если какой день, то настоящий проводили от утра до вечера в слезах и воздыхании.

У нас – напротив! Нет, кажется, ни одного дня в году, который проводился бы с таким невоздержанием и плотоугодием, как нынешний. Можно подумать, что мы составили заговор против святого учреждения Церкви и хотим показать, что ни во что вменяем тот Страшный Суд, изображением коего думает она занять стопы наши на широком пути мира и плоти!

Причиной сей несчастной противоположности и небрежения о дне, столь важном и священном, не другое что, как то обстоятельство, что нынешним днем оканчивается употребление обыкновенной нашей пищи. Можно ли было ожидать, чтобы причина столь неважная отняла всю силу у святого учреждения Церкви, привела в забвение Страшный Суд Божий и произвела именно противное тому, что предполагала святая Церковь? Но дело точно так, ибо другой причины нет. Церковь со своей стороны употребила все, могущее возбудить в нас чувство покаяния; самые трогательные и угрожающие

песни ее собраны именно в службе на нынешний день; одно ныне чтенное Евангелие и Апостол могли бы вразумить самого закоренелого плотоугодника. Но нас, увы, ничто не трогает и не возбуждает от пагубного служения плоти и миру. Над нами во всей силе сбывается грозное слово Спасителя, изреченное о народе иудейском: «Рыдаюх вам, и не плакасте» (Лк. 7, 32)!

Где искать причины нашего столь пагубного нечувствия? Не в том ли, между прочим, что многие из нас вовсе не знают, что в нынешний день совершается воспоминание Страшного Суда Божия? К сожалению, многие действительно не знают сего. Но что значит самое это незнание? Увы, и оно не оправдывает, а еще более обвиняет нас. Ибо кто виною этого незнания? Мы сами. Сколько песней церковных в настоящий день, из коих каждая изображает Суд Страшный! Одно Евангелие нынешнее не достаточно ли вразумит в сем всякого, кто только не лишен слуха? И что прикрывать ложью наше неведение? Что ныне день Страшного Суда, этого мы не знаем; а знают же все от велика до мала, что ныне последний день мясосятия. Как же мы все так твердо узнали одну половину учреждения церковного и вовсе не знаем другой? Знаем твердо то, что служит в угождение плоти, и не ведаем того, что на пользу духа и совести! Не явный ли это признак, что мы дорожим одной своей плотью и угождением чреву, а что необходимо ко спасению души, о том нерадим безумно? Сия-то именно наклонность к чувственному губит нас и ныне, как и всегда; она-то делает для нас бесплодными все благие учреждения Церкви.

Ибо нынешний ли один день так несчастно превращается нами? Увы, это превращение есть только начало другого, большого. Я разумею наступающую неделю сы-

ропустную. Что может быть жалчее участи сея недели? Она предназначена, по намерению Церкви, служить приготовлением к Великому посту и, так сказать, введением в него. Церковь показала при сем случае всю материнскую заботливость о нас. Чтобы приучить нас постепенно к подвигу постному, она лишила нас на сию неделю половины снедей, дабы внезапным и сильным переверотом не потрясти слишком самых чувственных привычек наших. Что же вышло у нас из сего снисхождения церкви? Вышел новый повод и случай к плотоугодию и невоздержанию. В целом году нет ни одной недели, которая была бы исполнена столько шума и молвы, столько объедения и пьянства, столько празднословия и кощунства, столько пороков и беззаконий, как наступающая. Если о какой седмице, то, вероятно, о сей плачут ежегодно Ангели Божии, радуются ангелы тьмы; если когда ад и геенна приобретают для себя наиболее жертв, то в это несчастное время. Увы, если бы учредители сея недели могли предвидеть то, что мы делаем из нее!

Но они невинны: они желали нашего спасения и сделали для сего все, что могли. Прочтите или выслушайте со вниманием Богослужение каждого дня в наступающей седмице. Как внятно там объяснена цель учреждения недели сыропустной! Сколько на каждый день святых мыслей и чувств! Церковь, можно сказать, взяв за руку, ведет нас с распутий мира и приближает к поприщу святого поста; но все сие остается втуне. Ибо мы в продолжении сей недели стараемся быть и бываем везде, только не в Церкви. После сего благое учреждение церковное как бы вовсе не существует для нас.

Но если бы только не существовало! И это было бы бесчестьем для имени христианского и злом для нас, но все еще не так великим. Нет, когда мы, отягченные

невоздержанием в ястве и питии, дремлем, то враг спасения нашего не спит и не дремлет. Чего не успел он сделать из этой священной седмицы! Точно, как пред концом мира, зная, «яко время мало имать» (*Апок. 12, 12*), он окажет, по свидетельству тайновидца, всю лютость и все лукавство, так поступает он и в продолжении наступающей седмицы. Угрожаемый постом и покаянием, он употребляет все силы, расставляет все сети, разбрасывает все приманки, чтобы уловить как можно более жертв. И многие ли избегают этих сетей? Самые в другое время степенные лица почитают как бы за какой долг дать в это время волю своим чувственным пожеланиям; самые старцы не почитают за стыд являться подобными немисленным детям. А юные? Увы, если когда гибнет цвет этого прекрасного возраста, то в это несчастное время!

То есть в какое время? В то самое, которое, по намерению Церкви, должно служить приготовлением к посту и, следовательно, само уже является некоторого рода постом и днями сетования; в то время, которое следует непосредственно за воспоминанием Суда Страшного, ныне совершаемым! Сему-то выучиваемся мы в нынешний день! Такой-то плод производит в нас явление грозного Судии! О бесчувствия! О окаменения душ и сердец!

Между тем сия пагубная привычка так укоренилась во всех нас, так сроднилась с нами от младенчества, вошла в нравы, в самую природу нашу, что говорить против нее значит почти явно терять слова и время. Ибо вот мы теперь рассуждаем о сем, скорбим и сетуем; вы сами не можете не признать справедливости наших слов и нашей скорби, — но найдется ли хотя один из нас, кто бы принял сии слова к сердцу и решился поступить соответственно намерению Церкви, презреть обычай мира и про-

вести наступающую седмицу не в угождении чреву и в увеселениях мирских, а в приготовлении себя к святому посту и покаянию? Ах, печальный опыт едва не отнимает у нас всей надежды на сие; и если мы говорим теперь, то не столько по чаянию плода от нашей беседы, сколько для исполнения своего долга. Ибо обязанность пастырей говорить и возвещать истину даже и тогда, когда бы и никто не хотел слушать ее.

Если бы, впрочем, нашелся теперь хотя один, который бы, вняв нашему слову, или иначе указанию Святой Церкви, решился провести наступающую неделю в воздержании, молитве и целомудрии, то мы возблагодарим и за сие Господа; ибо и одна душа – приобретение великое, и за одну душу Спаситель излил кровь Свою так же, как за всех. Мы уверены, что такой человек найдет более душевного утешения в своей чистоте и воздержании, нежели сколько прочие находят в шумных забавах мирских и в плотоугодии, которое редко не доводит предающегося ему до помрачения чувств и недугов телесных.

Что же сделают все прочие? Они сделают то же, что делали прежде, в прошедших годах: окружают себя всякого рода снедами; измышляют новые роды забав и утех; построятся, подобно древним сластолюбцам, везде оставить «знамение веселия» (*Прит.* 2, 9) своего. Мне кажется, что уже дают слышать себя безумные игры и смехи празднующих, уже видятся следы «человеков, яко древние, ходящих» (*Мр.* 8, 24), уже стонут распутия и стогны от бесчиния и наглостей, уже вместе с людьми ликуют невидимо духи злобы, нечистоты и лукавства; что сама смерть уже готовится невольно поглощать жертвы, падающие сами собой во уста ее от своего невоздержания.

Если вас, братие мои, сколько-нибудь трогают подобные мысли и выражения; если вам, как христианам,

дорога честь Святой Церкви и собственное спасение душ ваших; если Страшный Суд Божий, ныне представляемый пред очи наши, не есть для вас яко вещь чуждая и вас не касающаяся, то дадим обет теперь же провести наступающую седмицу без тех безрассудств и невоздержаний, с коими она обвыкла соединяться у нас, провести ее как уже начало и преддверие святого поста, а не как верх угождения плоти и страстям нашим. Аминь.

Слово в неделю сыропустную

О грехопадении прародителей

Если когда, братие мои, довлекло бы нам начать беседу с вами не словами, а воздыханием и слезами, то в настоящий день, когда святая Церковь воспоминает и оплакивает злополучное грехопадение прародителей наших, а в лице их и всего рода человеческого, следовательно, каждого из нас.

Падение Адамово!.. Когда произносишь слова сии, то, кажется, весь мир восстает против тебя: со всех сторон несутся вопли, стоны и упреки; всюду представляются потоки крови и слез, нами пролитых; все злое и преступное – в прошедшем, настоящем и будущем – является на лице и требует за себя ответа; небо и земля, солнце и звезды, растения и животные идут на суд против тебя и говорят: ты лишил нас первобытного совершенства!

В самом деле, братие мои, не это ли злополучное грехопадение прародителей наших низринуло с высоты Богоподобия и блаженства и повергло во прах и тление весь род человеческий? Не оно ли помрачило благолепие и возмутило порядок всей видимой Вселенной, из-

менило первоначальное определение о нас Творца, лишило все твари земные их совершенства первобытного и сделало, наконец, необходимым то, что земля и все, «яже на ней, дела» (2 Пет. 3, 10) должны некогда сгореть, солнце и луна – померкнуть, звезды, яко листвие, спасть с небесе и самые силы небесные – подвигнуться (Мф. 24, 29)? Не оно ли, наконец, нарушило, в некоем отношении, величественный покой седьмого дня для Самого Творца, побудило Всемогущего к новым чудесам любви и премудрости и как бы к новому творению, заставило Сына Божия сойти с неба на землю, облечься бедною плотию человеческой, претерпеть унижение и муку и умереть за нас на кресте? Ужасно было падение ангелов; но грехопадение человека, по его злополучным последствиям для всего мира, могло быть еще ужаснее, если бы в безднах Премудрости и Любви Божией не обрелось средства восставить нас от падения.

Но, как ни злополучно было падение в раю Адама, оно в то же время есть мое собственное падение: Напрасно хотел бы я разлучиться на сей раз с прародителем моим: союз природы связует меня неразрывно. Напрасно, происшед на свет после многих поколений, хотел бы я потому усомниться в моем участии во грехе эдемском: казнь, мною несомая, непрестанно напоминает мне о нем.

Какая казнь? Увы, самый вопрос сей обнаруживает уже крайнюю глубину нашего падения!.. Значит, мы пали в такую пропасть, что уже не видим более той святой и блаженной высоты, на коей поставлены были некогда творческою десницею, так оглушены падением, что не чувствуем даже боли, от него происшедшей, и не замечаем той бездны, в коей находимся. Какая казнь? А разве награда то, что все мы приходим на свет сей самым пла-

чевным образом, с воплем оставляем утробу матернюю, дабы явиться на краткое время на лице земли, и среди воплей расторгаем утробу земли, дабы сокрыть в ней свое тление от среды живых? Какая казнь? А разве награда, что большая часть из нас, созданных по Образу Божию и, видимо, предназначенных к господству над всем, нас окружающим, принуждены теперь влачить всю жизнь свою в узах рабства духовного и телесного, бороться непрестанно со всякого рода нуждами и скорбями, искуплять едва не каждый день бытия потом и слезами? Какая казнь? А разве награда, что люди братия терзают нередко, как тигры, друг друга, что целые племена и царства должны непрестанно стоять одно против другого на страже и не знать высшего искусства, как отражать и поражать людей, себе подобных? Какая казнь? А что в сердце у каждого из нас? Непрестанная борьба добра со злом, духа с плотию, ума и совести со страстями; и где победа? Большею частью на стороне греха и плоти. «Не еже хочу (доброе), сие творю; но еже ненавижу (злое), то соделоваю. Еже хотети, прилежит ми, а еже содеяти доброе, не обретаю» (*Рим. 7, 15–18*). Так жалуются на себя самые лучшие из людей: что же должны сказать худшие?.. Увы, куда ни обращусь, везде вижу следы моего падения: вижу и в разрушительной для меня борьбе бездушных стихий, и в некоем постоянном враждовании против меня существ одушевленных; вижу и в грозных явлениях надо мною неба, и в бесплодии возделываемой мною земли; вижу и в бренности моего ума, и в ломкости моих произведений; вижу и в силе страстей человеческих, и в бессилии законов человеческих, и в недостатке веры, и в избытке сомнений; вижу в хижине и на престоле, у алтаря и плуга, в минуту радости и печали, наяву и в самом сне... «Тяжко, тяжело иго на всех сынех

Адамлих» (*Сирах. 40, 1–2*)! Ужасна работа истления, от коей стенает «вся тварь» (*Рим. 8, 22*)!

Кто же виною сего? Откуда и как возникло зло, облегающее меня и весь мир со мною? Не у Творца ли моего не достало, быть может, сил и средств создать меня чистым и праведным, бессмертным и блаженным? Но один простой взгляд на необъятность мира, на порядок и красоту вселенной уже ясно показывает, что Десница, меня созидавшая, была всемогуща и всеблага, ибо ею не забыто и снабжено всем нужным самонаималее творение. А я между тем томлюсь и стражду, стражду так, что сам по себе не вижу конца моим страданиям... Не я ли сам потому и виною сего? Во мне есть и теперь способность, по коей могу я усовершенствовать свое состояние или превращать его и губить себя. Это моя свобода!.. В ней же по сему самому, в ней должна быть причина и моего бедственного состояния на земле. Была некогда, была злополучная минута, в которую я, злоупотребив произволом своим, разорвал нагло первобытный союз, соединявший меня и весь мир с Источником истинной жизни и блаженства; существовала ужасная минута, в которую я ринулся безумно с высоты природных совершенств моих и увлек за собою в бездну зла тварь, мне подчиненную.

Когда и как последовало это несчастное падение? Напрасно стал бы я вопрошать о сем природу, меня окружающую: она в сем случае безмолвна, как поле после сражения, на нем происходившего. Везде видны следы поражения, слышны даже отголоски стога и воплей; но кто и как сражался — неизвестно. Одно заключаю из всего видимого в природе, — что это все бедствие должно было произойти и не так давно, чтобы совершенно забыть его, и не так недавно, чтобы можно было сохранить о нем

ясную память. Обращаюсь к истории и древнейшим преданиям рода человеческого. Тут со всех концов вселенной слышу, что род человеческий был не таков, как видим его ныне; что на земле не было тех зол и бедствий, от коих страдает теперь все живущее; что настоящий порядок, или паче беспорядок, вещей есть следствие грехопадения первых человеков. Но когда, не довольствуясь сим, любопытствую знать, каким именно образом последовало мое падение, то нахожу в древних преданиях столько разнообразия, противоречий и мрака, что не знаю, на чем остановиться; не вижу, где конец истинному свидетельству и откуда начинается вымысел. Одно Боговдохновенное бытописание Моисея, как лучезарный светильник среди моря, возвышается над мутными волнами древних сказаний и тьмою, покрывающею первобытное состояние рода человеческого. Несмотря на краткость сего бытописания, в нем столько света, что все главные вопросы о происхождении зла в нашем мире разрешаются из него столь же любомудрственно, как и благочестиво.

Сию-то священную повесть о грехопадении прародителей наших намерены мы, братие мои, повторить и рассмотреть вместе с вами в наступающие дни святого и Великого поста. Не радостная картина ожидает нас! И пред нами, как некогда пред пророком, раскроется свиток, в коем вписаны рыдание, жалость и горе (*Иезек. 2, 10*). Узрим змия с его ужасною клеветою приемлемого, а Творца и Благодетеля с Его святою заповедью – отвергнутого; узрим праматерь всех живущих, легкомысленно простирающую руку к плоду запрещенному и за сие осуждаемую в болезнях родити чада; узрим прародителя нашего, убегающего от лица Божия, слагающего вину на Самого Создателя и за сие подвергаемого на всю жизнь труду в поте лица, с возвращени-

ем, наконец, в землю, от нее же взят бысть; узрим обоих стыдящимися своей наготы, а не греха, от коего нагота и смерть, изгоняемых из рая сладости и влачащих остаток бедственной жизни среди проклятия всей земли; узрим, наконец, Херувима с пламенным оружием, поставленного у врат рая и стерегущего путь к древу жизни, навсегда потерянному для тех, кои не умели пользоваться плодами его. Но в то же время услышим ужасный приговор и врагу нашему, увлекшему нас в преступление, приговор, показывающий, что за нас есть Отмститель, что мы не беззащитны; услышим радостотворное обетование о Семени жены, имеющем сокрушить главу змия, то обетование, в коем, как в семени древо, заключена вся тайна нашего спасения. Таким образом, свиток первобытия нашего, хотя в нем вписано рыдание, жалость и горе, будет, наконец, подобно свитку Иезекиилеву, сладок в устах наших и может питать нас пищею нетленною. Ибо учение слова Божия о падении Адамовом, кроме того, что изъясняет нам тайну настоящего бытия нашего на земле, указывает начало и причину ничем иначе неизъяснимых бедствий и страданий наших и тем самым примиряет нас с тяжкою судьбою своею и удерживает от ропота и хулы на Провидение, — это же учение служит основанием тому животворному благовестию, которое составляет сущность веры христианской, то есть учению об искуплении нас Сыном Божиим, Который для того и облекся в плоть нашу, да победит врага нашего и упразднит все следствия грехопадения эдемского. Чтобы восчувствовать в полной мере цену сего Божественного Искупителя, для сего надобно прежде познать всю великость зол, нас сокрушающих. Второй Адам, «Иже есть Господь с небесе» (1 Кор. 15, 43), является во всем Боже-

ственном величии не прежде, как первый Адам, иже от земли, прародитель наш, предстанет нам во всем своем уничижении и клятве.

Для сего-то, без сомнения, и святая Церковь, общая наша мать и наставница, ныне, пред самым вступлением нашим во святой пост, приводит нам на память не другое какое-либо событие, а падение Адамово. Сим самым оно как бы так говорит каждому из нас: если ты сын Адамов, то, кто бы ни был, ты существо падшее; тебе нужно восстать из бездны, уврачевать все разбитое в падении и начать восходить на прежнюю высоту и совершенство посредством Таинства Покаяния и Причащения животворящего Тела и Крови Христовой. Для сей же самой цели, — то есть чтобы произвести в нас сознание своего греховного беспомощного состояния и расположить всех и каждого к смирению, вере и усердной молитве о помощи свыше, — в продолжении будущих дней поста святая Церковь не престанет ежедневно оглашать слух наш чтением из бытописания Моисеева. Итак, занимаясь избранным нами предметом, мы будем идти по следам святая Церкви, проповедовать то же самое, что внушается ею.

Воззовем же, братие мои, едиными усты и единым сердцем ко Господу, да, внушив некогда возлюбленному рабу Своему Моисею начертать для нас святую повесть о грехопадении прародителей наших, дарует и нам, недостойным рабам Своим, благодать — воспользоваться ею, как должно, уразуметь из нее всю бедность нашей падшей природы, познать греховное окаянство свое, дабы потом с верою и смирением обратиться к Тому, Кто един силен восставить все падшее и возвести нас, как обещает святая Церковь, к первому нашему «достоянию с растворением», чего да достигнем все мы Его всемошною благодатию. Аминь.

Слова на Великий пост

Слова на дни первой седмицы

Слово во вторник первой седмицы Великого поста – о необходимости поста

Вострубите трубою в Сионе, освятите пост, проповедите цельбу и воззовите ко Господу усердно.

(Иоиль. 2, 1; 1, 14)

Для чего при начале поста, по слову пророка, надлежало вострубить трубою и проповедать цельбу? Казалось бы, пост требует противного, благоговейного молчания или возвещения тихого, – проповеди не об исцелении, а о смирении и воздержании. Трубят трубою, когда хотят дать знать о чем-либо далеко стоящим или тяжело слышащим; проповедуют исцеление таким больным, кои думают, что они совершенно здоровы и не имеют нужды во врачевании или отчаиваются получить его. Итак, верно, все таковые люди были в древнем Израиле. В Израиле новом – между христианами, где столько духовного света, столько благочестивых опытов и Божественных сил для духовных подвигов, казалось бы, менее места для сомнений о необходимости и пользе святого поста. Но, по ближайшем рассмотрении дела, и здесь труба пророческая оказывается не излишнею. И в нас, как в древних израильтянах, чувственный человек ни против чего не восстает так, и со своей силою, и со своим бессилием, как против святого поста. Посещать богослужения, приступать к исповеди, принимать Святые Тайны,

для сего каяться, молиться, вздыхать и плакать – на все это охотно соглашаются иногда люди самые чувственные; но подчинить себя правилам воздержания, предписываемым Церковью, возложить на себя иго святого поста – это кажется для многих, из самых не худых христиан, слишком тяжелым, ненужным, даже опасным. Таким образом, святой пост из друга, каким бы надлежало ему быть для всех, превращается для некоторых едва не во врага: вместо того, чтобы прибегать к нему, как к врачевству, бегут от него, как от болезни. Сами чувствуете, братие, можно ли духовным врачам быть хладнокровными зрителями такого положения дел. Итак, не дивитесь, если мы восприимем на время трубу, указуемую пророком, и посвятим несколько минут на разобранье несчастной тяжбы между нашею чувственностью и цельбоносной силой святого поста.

Я сказал, что против святого поста чувственный человек наш восстает и со своей силою, и со своим бессилием. В самом деле, послушайте тех, кои не любят поста; одни из них говорят: «Я могу не поститься, для меня нет нужды в посте; чего другие желают достигнуть чрез пост, у меня то самое есть без поста». Явно, что это голос силы; мнимой или истинной – увидим после. Другие говорят совершенно другое: «Пост мог быть для меня полезен, но я не могу поститься; это средство весьма действительное, но оно выше моей немощи». Так говорит, явно, бессилие; мнимое или истинное – также увидим после. Сообразно с сим, обратим, братие, внимание прежде на сильных, а потом на бессильных нелюбителей святого поста.

Что есть люди, кои менее других имеют нужду в посте, это несомненно: как можно равнять в сем отношении сына роскоши – богача евангельского, и сына ни-

щеты – Лазаря? Кроме сего, известное сложение тела, образ воспитания, особенный род жизни и занятий, известное настроение духа делают некоторых людей, в отношении к добродетели, без поста почти такими, какими другие могут соделаться только посредством продолжительных постов. Все это справедливо; но не менее верно, братие, и то, что все такие, скажем не обинуясь, весьма счастливые в отношении к делу своего спасения люди имеют нужду в посте. Для убеждения в сем их самих довольно предложить им один следующий вопрос: имеют ли они нужду в покаянии? Признают ли себя грешниками, больными духом и сердцем, и потому имеющими нужду в исцелении своей совести? Без сомнения. Но есть ли какая-либо болезнь, которая врачевалась бы пресыщением, для коей не было бы нужно воздержание и диета? В отношении к телу нет. А в отношении к душе может быть? Намереваясь врачевать от чего-либо плоть свою, вы будете прибегать к воздержанию и лишениям; а, приступая к врачеванию души, будете позволять чреву своему все, что угодно? Не странное ли противоречие? Согласимся, что пост вовсе не нужен вам (чего, однако же, быть не может), как оплот против чувственности и пороков; так он нужен вам, как ограда ваших добродетелей: вы не надеетесь чрез него приобрести что-либо для духа, так возьмите его в помощь, чтобы не потерять приобретенного. Адам в раю был не ниже вас совершенством; возомнил обойтись без поста – и что вышло? Лот среди самого Содома процветал добродетелями; вне Содома сложил с себя пост – и что произошло? Положим, что вы и без поста не впадете в пороки грубые; но если впадете и не в грубые без поста, и это важный вред: яд тонкий и медленный все яд, и вы никогда не решитесь принимать его. И как поступаете

вы, думающие обойтись теперь без поста, когда находит какая-либо всеобщая опасная болезнь? Надеюсь на всю силу и крепость, оставляете ли вы предосторожности? Напротив, вы часто берете их более, нежели люди слабые. А зараза греха для вас ничего не значит? Когда все ограждают себя спасительными учреждениями Церкви, вы думаете безопасно проводить духовную жизнь, продолжая удовлетворять пожеланиям чувственности? И что, наконец, за сила духа, которая выражает себя рабством плоти? Что это за здравие души и тела, которое не может обойтись без крика и вопля закалаемых животных? Ты и без поста тверд в правилах добродетели? Покажи же эту силу и твердость в обуздании твоих чувственных пожеланий. И без поста думаешь быть истинным христианином? Докажи же своей покорностью распоряжениям общей матери Церкви, что ты точно сын ее, а не противник. Ты говоришь, что имеешь и без поста искреннюю любовь к ближним? Как же ты не боишься, явно нарушая правила поста, подать им повод к соблазну? Не так поступал апостол, действительно сильный духом и искренно любивший ближних: «Аще, — говорит он, — брашно соблазняет брата моего, не имам ясти мяса во веки» (1 Кор. 8, 13)! Вот истинная сила духа и любовь к ближним! То самое, наконец, что не постящийся произвольно отделяется от всего сонма православных чад Церкви постящихся, есть уже весьма худой признак. Добродетельному Урию предложено было некогда, во время брани израильтян с амаликитянами, войти на время в свой дом для успокоения; но он с чувством святого негодования отвечал: «Кивот Божий, и Израиль, и Иуда пребывают в кущах, аз же вниду ли в дом мой ясти и пити?» (2 Цар. 11, 11). А вы, мнимо сильные духом, хотите поступать напротив! Кивот Божий в церкви по-

крыт завесою печали, весь Израиль и Иуда в кушах, — все православные сыны Церкви постятся, а вы располагаетесь ясти и пити?

Других противников поста я назвал бессильными, потому что в отражении от себя благодетельной силы поста они опираются на свою немощь. «Я, — обыкновенный отзыв таковых, — я по немощи своей не могу поститься, хотя бы и хотел». Что отвечать таковым? Упрекать ли их в немощи? Да не будет! Мы призваны врачевать немощное. Не можете поститься, сколько желали бы, — поститесь, сколько можете: таким образом сами увидите, что вы можете гораздо более, нежели думаете. Намерение Святой Церкви не наложить на кого-либо чрез пост новую, а сложить через него со всех прежнюю тяжесть. Только смотри, в чем состоит сия невозможность поститься: не в тяжести ли некоторой и неприятности для чувственного человека от первых действий? Но это неизбежное следствие почти всех врачевств в их первом действии, — что они сначала ослабляют больных, даже кладут иногда в постель, чтобы возвратить им силу и здоровье. Не удивительно, что и пост начнет свое действие ослаблением нашего ското-человека; в сем самом выражается целебная сила его; из этого всего менее должно брать побуждение слагать с себя пост. Надобно быть терпеливым, продолжать употребление врачевства и смотреть, что будет далее. Смеем уверить вас, братие, что, чем вы будете терпеливее и постояннее в употреблении святого поста, тем скорее увидите его благотворное над собою действие. По прошествии первых припадков тяжести и негодования от раздражительности чувственного человека, лишенного обычной пищи, и тяжесть тела будет проходить, смущение чувств заменится тишиной сердечной, горечь врачев-

ства постепенно обратится в сладость, так что, наконец, даже чувственный человек ваш не в состоянии будет сказать ничего против поста и сам охотно подпишет свой приговор.

«Но я должен в сем случае опасаться за свое здоровье, мое сложение слишком слабо и расстроено». Это возражение самое употребительнейшее и самое благовидное в устах нашего чувственного человека. Не будем и мы ослаблять его, дадим ему, напротив, всю силу. Верим, любезный собрат, что твое опасение основательно, что от поста может потерпеть несколько здоровье твоего тела; но если ты за сию жертву получишь здоровье души? Ужели последнее менее первой? Ужели ты не согласишься променять крепость тела на силу духа? Если так, то ты, явно, печешься более о теле, нежели о душе, меняешь небо на землю, не желаешь искренно своего спасения... Но я чувствую, что такой язык слишком возвышен для многих из нас. Увы, от нынешних христиан нельзя требовать, чтобы они согласились променять прямо землю на небо! Пойдем другим путем. Ты опасаясь постом расстроить свое здоровье? Что ж, если мы скажем тебе, что благоразумный пост есть одно из вернейших средств к восстановлению самого расстроенного здоровья? Духовным врачам с трудом поверят в сем случае: спросите телесных врачей, и они скажут вам то же самое, уверят, что сим одним способом, постом, благоразумно употребляемым, можно врачевать самые опасные и неисцельные болезни; что вообще сей, если угодно так назвать, метод врачевания особенно действителен в тех недугах, от коих страдает нынешнее расслабленное человечество.

Хотите ли, братие, видеть отчасти, как именно святой пост действует к восстановлению сил нашего тела?

Чтобы заставить вас полюбить сие спасительное врачевство из самых чувственных выгод его для здоровья телесного, я оставляю на время тон проповедника и приimu голос естествоиспытателя. Тело наше не напрасно сравнивается с машиною, искусно устроенною. Движение сей машины заводится и поддерживается двумя способами: дыханием и питанием. Дыхание есть нечто непрестанно действующее, без чего нельзя жить. Тут нет места посту, хотя и здесь полезна умеренность. Питание не таково: оно необходимо, но по временам; непрестанное питание причинило бы смерть. Это указание самой природы на пост, как на средство к поддержанию здоровья. Притом питание есть вещь многосложная в своем производстве: нельзя без изумления видеть, сколько труда бедному телу над пищею, чтобы превратить ее в сок и кровь. Как ни прочно устроены для сего органы питания, но от непрестанной работы они утомляются и ослабевают до того, что не в состоянии отправлять своего дела, как должно. Отсюда расстройство органов питания; а отселе — необозримое полчище болезней. Посему одна из главных целей науки врачебной есть восстановление должного действия органов питания. Но как восстановить его? Первее и надежнее всего — прекращением работы изнурительной. Это самое внушает нам уже сама природа, лишая нас при болезнях каждый раз побуждения к пище и производя отвращение к ней. Надобно только повиноваться и тотчас обращаться к посту. Призванный во время сей врач скоро поправляет все дело самым простым и естественным образом. Не имея нового материала для работы, органы пищеварения во время поста доканчивают все прежние уроки свои, продолжают потреблять все, с разных времен оставшееся и что остатком своим

тяготило их и все тело. Истощив свой собственный запас, сии органы собирают и употребляют запасные соки, находящиеся по всему телу, кои, оставаясь долго без употребления и перемены, также портятся и портят тело; истощив и это, обращают свое действие на самих себя, исправляют, так сказать, и поновляют на досуге весь свой снаряд, скрепляют ослабевшее, возбуждают от бесчувствия уснувшее, стягивают расширенное, отверзают заглохшее и таким образом приводят себя в состояние действовать правильно снова. Поелику же от органов питания зависит весь состав тела, то благотворные действия, в них совершающиеся, быстро отзываются во всем теле: обращение крови и соков нервных становится правильнее и свободнее; излишки и недостатки в разных видах и местах исчезают; жизненная сила, не подавляемая более тяжестью плоти, не истощаемая непрестанной работой, пробуждается, оживает и делается способной исправлять сама собой многие, даже важные повреждения. И таким образом неприметно проходят самые упорные болезни.

После таковых действий поста на здоровье тела, — а я не увеличил, а разве много ослабил их, желая в описании их избежать того, что не для всех понятно, — не в праве ли мы, братие, изменить теперь свой голос и вместо того, чтобы защищать пост от жалующихся на слабость здоровья, предложить его им, как самое главное врачевство? Вам жаль вашего телесного состава, вашего слабого сложения? Сжальтесь же над ним действительно и призовите на помощь святой пост, которого требует самая природа тела вашего. Как? Вы даете покой машинам в ваших работных храминах, и не дадите его никогда своему чреву? Вы погашаете по временам лампаду, чтобы дать время очистить ее, и хотите, чтобы внутри

вас непрестанно горел огонь и чтобы, несмотря на сие, там было все всегда чисто? Пусть бедный стомах ваш узнает, хотя изредка, что над ним благоразумный владыка, дающий ослабу, а не тиран, изнуряющий непрестанной работой. В награду за сие получите не тягость и слабость, коих столько опасаетесь и кои скоро пройдут, а крепость, живость, легкость и особенное некое чувство здоровья, коего вы теперь не имеете. Самый позыв на пищу, испорченный от непрестанного пресыщения, делается живее, тоньше, благороднее, и удовлетворение его будет сопровождаться гораздо большим удовольствием, теперь для вас вовсе неведомым.

В заключение сего изображения благотворных действий св. поста для самого тела не излишним почитаю, братие, указать вам на примеры людей, кои не одну Четыредесятницу, а всю жизнь провождали в посте. Сколько бы, вы думаете, жили они? Умирали преждевременно? Не достигали последних пределов жизни? Нет, большей частью далеко переходили за них: иной жил восемьдесят, другой девяносто, иной более ста лет.

После сего для самых животолюбивых, самых чувственных людей ничего более не остается, как облобызать воздержание и возлюбить святой пост. Аминь.

Слово в пяток первой седмицы Великого поста – о Причащении

В притче о блудном сыне, так трогательно изображающей силу истинного покаяния, видим, что любвеобильный отец по возвращении к нему заблудшего сына в знак совершенного примирения с ним и возвращения ему всей любви отеческой немедленно устрояет вечерю

столь светлую, что старший сын не мог снести сего торжества без ропота и неудовольствий (*Лк. 15*). Что же бы, братие, сказал сей взыскательный сын, если бы посмотрел на ту Божественную вечерю, которую Отец Небесный устроляет для нас по случаю нашего возвращения к Нему с распутий мира?.. Давно ли многие из нас блуждали вне дома Отческого, иждивая по произволу страстей дары природы и благодати? Еще нет седмицы, как мы обратили лицо свое прямо к дому Отческому; едва только произнесли исповедание во грехах своих; не совершили еще, в знак раскаяния, ни единого благого дела, — и вот нам возвращена уже одежда невинности, объявлено торжественно прощение и милость, а завтра устроится для нас и трапеза в дому Отчем. И какая трапеза? Не из «тельца упитанного» (*Лк. 15, 27*), а из Агнца, «закланного прежде сложения мира» (*1 Пет. 1, 20*), — из Тела и Крови Сына Божия! Как мы не полагали меры грехам нашим, так Господь еще более не полагает меры милосердию Своему. Ибо что пред сим чудом любви прочие чудеса всемогущества и премудрости Божией? Что манна с неба? Что вода из камня? Таинство Причащения есть, можно сказать, некое продолжение самой тайны воплощения! Ибо, если «велия благочестия тайна, яко Бог явился во плоти» (*1 Тим. 3, 16*), то коликая тайна, когда Он посредством Причащения нас Телом и Кровию Своею является во плоти нашей!..

Обозревать ли сию тайну во всех ее глубинах? Но для сего надлежало бы мне иметь очи и язык, а вам — слух ангельский. Для назидания всех нас достаточно будет, если мы, во-первых, рассмотрим, как приготовлялась сия Божественная Трапеза, как в свое время учредилась и как, учрежденная, хранилась до наших времен. Во-вторых, обратим внимание на то, что нам преподается на сей Тра-

пезе и как нам должно приступать к ней.

Поелику Божественный Агнец, Коего мы причащаемся в Евхаристии, заклан, по замечанию апостола, еще «прежде сложения мира», – то есть заклан в предопределении Бога Отца и Его собственном, – то от самого сложения мира начали являться и знамения не только сего заклания, но и будущего вкушения закланного. Что было древо жизни в раю с плодами его, как не первый прообраз нашей Божественной Трапезы? Могло ли древо само по себе доставлять бессмертие человеку, если бы не было символом истинного «Древа животного» (Апок. 2, 7), Сына Божия, в Коем едином, по свидетельству святого Иоанна, «живот бе и живот бе свет человеком» (Ин. 1, 4)? Посему-то еще блаженный Августин называл райское древо жизни таинством, а мы можем назвать его «Таинством Причащения».

Для народа израильского по избрании его в народ Божий две особенно вещи весьма ясно прообразовали таинство Евхаристии: манна и агнец пасхальный.

Известно, каким образом получалась манна: она сходила каждое утро, кроме субботы, с неба и составляла главную пищу для народа израильского во время странствования его в пустыне. По такому происхождению манны еще псалмопевец назвал ее «хлебом ангельским» (Пс. 77, 25). Но манна выражала более, нежели пищу ангельскую: она предъизображала Тело и Кровь Богочеловека. Посему-то Сам Спаситель, когда говорил иудеям о будущем преподании им в снедь Своего Тела и Крови, то прямо указал при сем на манну: «Отцы ваши ядоша манну в пустыни и умроша. Сей есть хлеб сходяй с небесе, да, аще кто от него яст, не умрет. Аз есмь хлеб животный, иже сшедый с небесе; аще кто съест от хлеба сего, жив будет во веки» (Ин. 6, 48–51).

Агнец пасхальный, прообразуя собою крестную смерть Сына Божия с ее спасительными действиями для нас, еще яснее манны изображал Божественную Трапезу Нового Завета. Вкушая его, израильтяне спаслись, как известно, от ангела-истребителя, который послан был поразить Египет; а мы, вкушая Тело и Кровь Господа, спасаемся от злобы миродержителя тьмы века сего, который, по выражению апостола, «яко лев ходит, иский, кого поглотити» (1 Пет. 5, 8). Кроме сего, пасхальный агнец самыми подробностями священных обрядов, с которыми снедался, весьма живо изображал многие обстоятельства страданий и смерти Господа; так, например, его надлежало печь целым, не раздробляя и не сокрушая ни одной кости, что, по замечанию евангелиста Иоанна, в самом точном смысле исполнилось потом над Агнцем Божиим, взимавшим грехи мира на Голгофе; ибо воины «не пребили» Ему «голений», хотя за тем и приходили.

Столь ясных и величественных прообразований уже довольно было для того, чтобы всех истинных израильтян приготовить к принятию со всей верою новой, таинственной Трапезы, которая имела явиться в Новом Завете под видом Евхаристии. Но, чтобы еще более приготовить к ней умы и сердца, Спаситель Сам предварительно обращал внимание Своих слушателей на крайнюю нужду всего человечества в новом высшем и лучшем питании, нежели каковы были манна и агнец пасхальный, и прямо объявлял, что сие питание должно состояться из собственного Тела и собственной Крови Его, кои Он имел принести в жертву за живот мира. Одну беседу Его о сем, сохраненную евангелистом Иоанном, можно назвать приготовительною к причащению: по сему самому вы не откажитесь выслушать ее теперь со всем вниманием.

Случаем к сей проповеди было чудесное насыщение Господом пяти тысяч народа пятью хлебами. Такое чудо заставило народ многочисленными толпами ходить за Ним по пустыне с тем, чтобы снова увидеть от Него подобное знамение. Заметив такую наклонность к чувственному питанию, Спаситель почел за нужное возвести ум и сердце Своих слушателей к исканию пищи высшей и вместе указать им, где можно найти сию пищу. «Отвеща Иисус и рече: аминь, аминь, глаголю вам, ищите Мене, не яко видесте знамение, но яко яли есте хлебы и насытитесь. Делайте не брашно гиблющее, но брашно пребывающее в живот вечный, еже Сын Человеческий вам даст». Кто не пожелает такого брашна? Посему народ вдруг отвечал: «Что сотворим, да делаем дела Божия? Отцы наши ядоша манну в пустыни, якоже есть писано: хлеб с небесе даде им ясти». То есть народ захотел, в доказательство Божественности Спасителя, увидеть от Него новое чудо, подобное манне, низведенной с неба Моисеем. И вот сие-то самое желание народа новой манны дало случай Спасителю предложить ему учение о манне Тела и Крови Своея. «Рече убо им Иисус: аминь, аминь глаголю вам, не Моисей даде вам хлеб с небесе, но Отец Мой даст вам Хлеб истинный с небесе. Аз есмь Хлеб животный. Грядый по Мне не имать взалкаться, и веруяй в Мя не имать вжаждатися никогдаже» (Ин. 6, 26–36). Ничего не могло быть величественнее языка сего, но для людей чувственных он показался весьма странным. «Роптаху убо Иудее о Нем, яко рече: Аз есмь Хлеб, сшедый с небесе. И глаголаху: не Сей ли есть Иисус сын Иосифов, Его же мы знаем отца и Матерь, како убо глаголет Сей, яко с небесе снидох?» То есть иудеи приняли вышесказанные слова Спасителя в самом чувственном и грубом виде. Что же Господь? Он указал только на

источник их маловерия и продолжал Свою проповедь. «Отвеща убо Иисус и рече им: не ропщите между собою. Никтоже может приити ко Мне, аще не Отец, пославый Мя, привлечет его, и Аз воскрешу в последний день. Аз есмь Хлеб животный! Отцы ваши ядоша манну в пустыни и умроша. Сей есть хлеб сходяй с небесе, да, аще кто от него яст, не умрет. Аз есмь Хлеб животный, иже сшедый с небесе: аще кто снестъ от Хлеба сего, жив будет во веки. И Хлеб, егоже Аз дам, Плоть Моя есть, юже Аз дам за живот мира» (Ин. 6, 41–44; 48–51).

Такое прямое и сильное указание Господа на Свое Тело, как на брашно, возбудило еще более недоумения в чувственных слушателях, кои думали, что им дано будет в пищу Тело Иисуса Христа в том самом виде, в каком оно было пред ними: «пряхуся убо между собою жидове, глаголюще: как может Сей нам дати плоть Свою ясти?» Но Господь, несмотря на сие, опять еще сильнее и раздельнее подтвердил сказанное прежде. «Аминь, аминь, глаголю вам, аще не снете Плоти Сына Человеческого, ни пиете Крови Его, живота не имате в себе. Ядый Мою Плоть и пийй Мою Кровь имать живот вечный, и Аз воскрешу его в последний день. Плоть бо Моя истинно есть брашно, и Кровь Моя истинно есть пиво. Ядый Мою Плоть и пийй Мою Кровь во Мне пребывает и Аз в нем. Якоже посла Мя живой Отец и Аз живу Отца ради, и ядый Мя и той жив будет Мене ради. Сей есть хлеб, сшедый с небесе. Не якоже ядоша отцы ваши манну и умроша: ядый хлеб сей жив будет во веки» (53–58). После сих слов нельзя уже было сомневаться в том, что обещается действительное вкушение Тела и Крови Учителя. Но это показалось так странным для многих из самих учеников Господа, что они невольно пристали к иудеям, говоря: «Жестоко есть слово сие: и кто может его послушати!» (60).

Но Господь, несмотря на сие, опять подтвердил истину Своих слов во всей их силе, присовокупив только, что глаголы, кои они слышат от Него, «дух и живот суть», почему и не должно брать их в том плотском виде, в каком брали их соблазнявшиеся ученики (61–63). Даже и после, когда немалое число учеников, не вразумившись объяснением Учителя, соблазнились Его проповедью до того, что «идоша вспять и ктому не хождаху с Ним» (66), – Богочеловек и тогда нисколько не переменил Своей беседы, а только спросил оставшихся двенадцать: «Еда и вы хотите идти?» То есть, явно, готов был, так сказать, скорее отпустить от Себя и последних учеников, как ни дороги они были для Него, нежели расстаться с предметом проповеди, не открыть всему миру Божественной пищи – Тела и Крови Своей.

Что должны мы, братие, взять для себя в особенное назидание из сей проповеди Спасителя? То, во-первых, что вкушение Тела и Крови Его не есть что-либо для нас неважное, без чего можно обойтись, а нечто существенно нужное, необходимое для всех нас, такое, без чего нельзя иметь живота вечного. А печальное событие с учениками Спасителя, так сильно соблазнившись учением Его о Телѣ и Крови Своей, как о духовном брашне, должно дать знать нам, что, приступая к Божественной трапезе, всего менее должно предаваться собственным мыслям и недоумениям, а следовать прямо за словами и обещанием Господа, как бы они ни казались нам высокими и неудобоисполнимыми. Впрочем, теперь, когда мы видим, в каком виде преподается Тело и Кровь Господа, опасения капернаумских иудеев, думавших, что их будут питать телом и кровью человеческой, в собственном их виде, не могут иметь у нас и места.

Истинные ученики «Слова животного» не преткну-

лись, однако же, и тогда о высоту сего слова, как оно ни было неуместительным для многих. Петр на вопрос Спасителя: «Еда и вы хотите идти?» решительно отвечал за всех: «Господи, к кому идем? Глаголы живота вечнаго имаши» (*Ин. 6, 68*). Что это был не один порыв святого чувства души, не одно мгновенное излияние любви к Учителю, показало самое дело. Ибо когда пришло время Самому Учителю от слова обратиться к делу, то есть преподавать на Тайной Вечери самое Тело и самую Кровь, в учениках не обнаружилось тогда ни малейшего недоумения. Памятуя обещание Учителя преподавать им сие Божественное брашно, они приняли его со всею верою и любовью, без всякого недоумения, без всяких вопросов.

Это произошло, как известно, на последней вечери пасхальной, в навечерие страданий и смерти Господа. Среди многих знаменательных и трогательных обрядов сей Божественной вечери Спаситель взял хлеб, благословил его, преломил; но, подавая его ученикам, вместо обыкновенных слов сказал: «Приимите, ядите, сие есть Тело Мое!» (*Мф. 26, 26*). Больше не было ничего сказано, ибо и не было нужды говорить более, поелику ученики знали уже твердо, что, кто не вкусит сего Таинственного брашна, «не узрит живота». Подобным образом, взяв по вечери чашу и подавая ее ученикам, Господь сказал: «Приимите и пейте из нея вси: сия есть Кровь Моя Новаго Завета, яже за вы и за многия изливаемая во оставление грехов!» (*Мф. 26, 28*). Ученики, вразумленные в Таинство прежде, опять в безмолвии причастились Крови своего Учителя и Господа. «Сие творите, — присовокупил Господь, — в Мое воспоминание» (*Лк. 22, 19*), давая чрез сие знать, что это Таинство не на сей только случай, не в знак прощания с учениками, а навсегда, в

знак вечного пребывания Его со всеми верующими, «до скончания века» (*Мф. 28, 20*).

Можете представить, братие, как драгоценным должно было сделаться повторение сего Таинства для учеников Иисусовых, когда они разлучились с Ним по вознесении Его на небо! Таинственный хлеб и вино, или, лучше сказать, Тело и Кровь Богочеловека, соделались единственным брашном, коим питались святые души их, укрепляясь на все великое, многотрудное и святое. «По вся дни терпяще, – так говорит книга Деяний Апостольских об апостолах и их учениках, – единодушно в церкви и ломяще по домом хлеб, приимаху пищу в радости и простоте сердца» (*Деян. 2, 46*). Приходили ли куда на труды апостольские, первым делом было воспомнить с верными смерть Господа и приобщиться Святой Трапезы любви. Отходили ли куда и прощались с «чадцами» по вере, последним знаком единодушия было опять – воспомнить смерть Господа, преломить Таинственный хлеб и вкусить от Чаши Завета. Ожидали ль сошествия Святого Духа, причащались. Приготовлялись ли на исповедание имени Иисуса пред тиранами, или на мучение и смерть, причащались. Страдали ли от болезней и искали исцеления, причащались. Евхаристия была всем для всех. По сему самому, несмотря на важность таинства, священный обряд совершения его долго оставался в первобытной простоте. Молились, калялись во грехах, плакали – и приобщались. Святой Павел соединил с Евхаристиею проповедь, потом присоединилось пение различных псалмов и чтение различных мест Святого Писания. Апостол Иаков совокупил все сие в определенный вид Литургии, а свтг. Василий Великий, Златоуст и Григорий Двоеслов дали ей, наконец, тот вид, в коем она совершается доньше.

Что-либо лучше нашей Литургии увидим, разве когда только будем на небе. Здесь на Святой Проскомидии, во время приуготовления Божественных Даров, символически предызображается жизнь и крестная смерть Сына Божия, подобно тому, как они были предызображены в символах и обрядах Ветхого Завета. Потом в первой части Литургии, при первом выходе из алтаря священнодействующих с Евангелием, Спаситель Сам как бы снова является в мир и исходит на проповедь, которая слышится потом в чтении Апостола и Евангелия. За сим при втором выходе из алтаря священнодействующих со Святыми Дарами представляется последнее шествие Господа во Иерусалим на страдание и крестную смерть, после чего среди различных молитв как бы повторяется последняя вечеря Господа с учениками, слышатся самые слова Его, сказанные апостолам о Теле и Крови Его, и совершается самое Таинство Евхаристии чрез призвание на Святые Дары благодати Пресвятого Духа. В последней части Литургии, с новым отверстием царских врат, как бы видимо отверзается гроб Господень для воскресения и самое небо – для принятия Воскресшего, что самое чувственно изображается обратным перенесением останка Святых Даров с престола на жертвенник. Таким образом, кто с полным вниманием присутствует при Литургии, тот каждый раз видит пред собою, можно сказать, всю земную жизнь Господа от начала до конца.

Так предуготовлялась Божественная Трапеза Тела и Крови Христовой, так учредилась в свое время и так сохранилась до наших дней! Много веков прошло в приуготовлении ее! Оттого-то языческие предки наши, когда увидели в первый раз совершение Литургии в Цареграде, то подумали, что их каким-либо чудом переставили с земли на небо!..

Велика честь была бы, братие, если бы нас, с нашим недостойнством, допустили токмо к созерцанию толиких таин. Но вот мы все призываемся к самому вкушению Божественной Трапезы! «Видите убо, – дерзну сказать с апостолом, – видите, какову любовь дал есть нам Отец небесный!».. Для чего дал? Для того, ответствует апостол, «да чада Божия наречемся и будем» (1 Ин. 3, 1), – дабы преизбытком любви Отеческой к нам произвести и в нас сыновнюю любовь к Нему. Останемся ли убо хладными и среди сего пламени Божественной любви? Да не будет! Сильнейших средств к согреванию и оживлению любовью сердца нашего нет более у самой любви Божественной. Аминь.

Слово в субботу первой седмицы Великого поста, по причащении Святых Таин

Куда пошли из-за Тайной Вечери апостолы? Они пошли с Учителем и Господом своим в Гефсиманию, чтобы там бодрствовать и молиться, страдать и уповать. А куда пошел Иуда? Он пошел один, к врагам Иисусовым, за спирою и слугами, чтобы взять и предать им своего Учителя и Господа. От одной и той же Божественной Трапезы – какие два различных плода!.. Из одного и того же святого места – какие два противоположных пути!..

Куда привел путь апостолов? Сначала в Гефсиманию и на Голгофу, потом на Елеон, потом в Сионскую горницу, а потом – на небо... А путь Иудин? Он привел сначала в чертоги Каиафы, потом завел было несчастного на некоторое мгновение ко храму, но потом, и скоро, привел к погибельному дереву, а с него – в ад!.. До

того различна была участь первых причастников Тела и Крови Христовых! Отчего такое (ужасное!) различие? От благой и злой воли. Благая воля привела апостолов на небо; злая воля низвела во ад Иуду. И Петр падал, но встал; то же было бы и с Иудою, если бы покался и сотворил плоды, достойные покаяния.

Идет ли кто ныне путем апостолов? Идет – тот, кто, причастившись Тела и Крови Христовых, почитает себя чрез то самое неразрывно и навсегда соединенным со Христом, а посему следует за Ним всюду, куда ни поведет Он, на Фавор или в Гефсиманию; кто, принадлежа Спасителю своему всем существом своим, старается уподобляться Ему во всем мыслить так, как мыслил Он, говорить так, как говорил Он, жил и окончил земную жизнь – Он!

Нейдет ли кто и ныне путем Иудиным? Идет – тот, кто, принимая Тело и Кровь Господа в Евхаристии, принимает их, как простой хлеб и вино, и почитает себя чрез то ничем необязанным своему Спасителю; кто в храме показывает некое уважение к святыне и, когда говорят о грехах и измене закону, готов, подобно Иуде, спросить: «Не я ли, Господи?» – а за храмом явно поклоняется миру и его кумирам, продает бесстыдно веру и закон, стыд и совесть.

Таков и ныне путь апостолов и путь Иудин!

Пред вами оба пути, и один какой-либо непременно избрать должно! «Иже несть со Мною, на Мя есть» – сказал Сам Господь. Итак, с кем вы? С кем – не здесь и теперь, в храме, а там, где встретит вас искушение, где, может быть, надобно будет или приять честь и богатство несправедные, или идти на крест за правду?.. Но вы уже избрали, что должно; каждый из вас сказал: «Я не дам Тебе лобзания Иудина!» Смотрите, не давайте же сего адского лобзания! Иначе оно будет некогда жечь уста

и сердце ваше пламенем адским! Каждый из вас обещал исповедывать Господа, подобно благоразумному разбойнику: смотрите, исповедайте же! В случаях к сему не будет недостатка, ибо мир и теперь тот же, что был прежде: весь во зле лежит и ко злу всех влечет. Стой же мужественно против сего зла и в себе, и в других! Не возвращайтесь на прежнее! Благоразумный разбойник, если бы ему удалось сойти с креста живым, без сомнения, посвятил бы всю остальную жизнь Господу и соделался бы ревностнейшим из учеников Его. Посвятим и мы все остальное время жизни нашей Ему же, Всеблагому, дабы в час смерти услышать от Него: «Днесь со Мною будеши в раи!» Аминь.

Слова в недели Великого поста

Слово в неделю Православия

Священнодействие, нам теперь предстоящее, так разительно само по себе, столько содержит в себе силы и назидания, что не имеет никакой нужды в помощи от нашего слова. Думать, что ему можно придать что-либо посредством витийства, значило бы то же, как если бы при наступлении тучи кто-либо вообразил, что силу небесных громов можно увеличить шумом своих уст. Но, может быть, бесполезно будет для некоторых, если мы объясним кратко и скажем, откуда возникла сия, благодетельная сама по себе, но страшная и громоносная, туча и почему она ежегодно появляется в настоящий день на ясной и мирной тверди Церкви Христовой.

Когда богопротивные ереси, восстававшие безумно против божественности Лица Сына Божия и Пресвятого Духа, пали и принуждены были возвратиться

в свое ничтожество, то враг Бога и человеков, не могши уязвить самых достопоклоняемых Лиц Божества, вздумал напасть на Их священные изображения в церкви и, во утешение себя, измыслил злочестивую ересь иконоборства. Для успеха в злобном замысле он, по обыкновению своему, преобразился в ангела света, принял личину святой ревности, якобы по чистоте веры христианской, внушая, что поклонение святым иконам поставляет христианина наряду с идолопоклонниками. Напрасно богомудрые пастыри Церкви учили и утверждали, что святые иконы отнюдь не то, что истуканы идольские; что честь, им воздаваемая, воздается не бездушному веществу, не древу и краскам, а переходит на первообразное, то есть на святые лица, ими изображаемые. Ослепленные духом тьмы, иконоборцы не хотели видеть и слышать истины. Улучив в свои руки власть, они не замедлили от слабых и ничтожных возражений своих обратиться к насилиям и гонению на православных, кои лучше соглашались расстаться с жизнью, нежели со святыми иконами. Начались жестокости и казни, напоминавшие собой первые времена мученичеств за Христа. Одним из любимых варварств у гонителей святых икон было начертывать их изображения посредством раскаленного железа на лице их почитателей: отсюда в лике святых Феодоры и Феофаны, так называемые, Начертанные.

Может быть, насилие и обольщение взяли бы, наконец, верх над слабостью человеческою. Но Тот, Кто основал и утвердил церковь Свою не чуждыми заслугами, а Кровию Своею, и вверил судьбу ее не мудрости и произволу человеческому, а вседействующему промыслению Духа истины, Тот не попустил чадам ее искущаться паче, нежели могли понести, но со искушением сотво-

рил и «избытие» (1 Кор. 10, 13). После долговременной и упорной борьбы истины с заблуждением власть и могущество гражданские перешли, наконец, из рук еретиков; вместе с тем исчезла и вся сила ереси. Святые иконы, омытые кровью святых исповедников, явились в большей прежнего красоте. Чтобы увековечить победу Православия над его врагами, Святая Церковь постановила ежегодно воспоминать и праздновать восстановление святых икон в настоящий день, яко день первого, по сему случаю, торжества ее. А для того, чтобы посеченные мечем слова Божия и прежние ереси не дерзнули со временем поднять снова мрачной главы своей, положено ежегодно же в настоящий день поражать каждую из них снова анафемою.

Таким образом, воздвигнутое духом злобы гонение на святые иконы обратилось к величайшему его посрамлению и послужило на утверждение не только св. икон, но и всех истин веры христианской. Не без важной по сему причины и не без благотворной цели гремит ныне анафема. Она гремит для того, дабы верные чада церкви еще более утвердились в своей вере; дабы неверные и легкомысленные имели побуждение придти в себя и возвратиться на путь правый.

Будем же, братие, присутствовать при сем священнодействии в том самом духе, с коим установила его Святая Церковь. Обратим внимание на свой образ мыслей о предметах веры. И если он в чем-либо несогласен с правилом веры, указуемым Церковью, поспешим оставить неправое. А те, у коих драгоценный залог веры обрывается цел и невредим, да пролиют вместе с Церковью теплые молитвы о возвращении на путь правый заблудших братьев своих. Ибо Церковь Христова, яко нежная мать, не хочет гибели никому из самых строптивых

чад своих, но да вси приидут в покаяние и единство веры и любви. Аминь.

**Слово в неделю 2-ю Великого поста –
о святом Григории Паламе**

Известно ли вам, братие мои, что в продолжении Великого поста каждый день недельный посвящен Церковью воспоминанию какого-либо великого события? Так, в воскресенье, непосредственно пред постом, воспоминается в Церкви падение Адамово, дабы мы, приведши себе на память, как род человеческий изгнан из рая сладости за невоздержание, тем усерднее облобызали святой пост, яко дверь в рай потерянный. В первую неделю самого поста совершается Торжество Православия, показующее, чего стоило некогда сохранение сокровища веры во всей его неприкосновенности, и сим самым научающее нас дорожить им по надлежащему. На середине поприща постного предложится для поклонения всечестный Крест в ободрение нас к дальнейшим подвигам и для услаждения им горьких вод покаяния. Пятая седмица огласится именем святого Иоанна Лествичника, яко величайшего из подвижников благочестия, который не только сам, как орел, воспарил над всем дольным, но в творениях своих начертал и для других лестницу к небу. Последняя неделя четырехдесятницы начнется ублажением памяти прп. Марии Египетской, яко трогательнейшего образца покаяния, ибо первую половиною жизни своей она, как известно, превзошла едва не всех грешников, а в продолжение последней – удивила чистотою своею самих ангелов. В нынешний день недельный, по уставу святой церкви, прославляются подвиги свт. Григория Паламы, ар-

хiepископа Фессалонитского.

При таком распорядке в уставе церковном в каждую седмицу нынешнего поста первый источник для душевного назидания нашего есть воспоминание вместе с Церковью того лица или события, коему посвящена неделя. Мы тем с большею охотою воспользуемся ныне сим источником и для вас, и для себя, что он, как ни близко протекает от каждого, но, к сожалению, весьма мало употребляется в дело, так что для многих почти вовсе неизвестен. Таким образом, слова и беседы наши с вами, если не будут иметь другого какого действия, то, по крайней мере, приведут сколько-нибудь в известность сей святой источник.

Итак, ныне, как мы сказали, совершается хвалебная память иже во святых отца нашего Григория Паламы. Чем заслужил он почестъ столь великую? Не тем ли, что был пастырь знаменитый, особенно в древности, паствы фессалонитской? Но мы имеем пространный список пастырей сея Церкви, и ни один из них не разделяет сей чести со святым Григорием. Или, может быть, он прославляется за то, что был просвещеннейший святитель своего времени и оставил нам много своих поучительных творений? Но и за это отличие надлежало бы прославлять не его одного, а и многих других, чего, однако же, не делает святая Церковь. Можно еще подумать, что святой Григорий ублажается так за свою особенную святость. Это гораздо ближе к делу, ибо без святости жизни он никоим образом не соделался бы предметом похвалы для церкви; но и сия причина не изъясняет всего, так как и святостию жизни отличался не он один, а многие. Если целая седмица святого поста украшается именем святого Григория, то, должно быть, в самых деяниях его есть нечто такое, почему он особенно приходит на память во

время поста и вследствие чего воспоминание о нем служит к особенному назиданию для постящихся. Что бы это было такое? То, как видно из жития его, что он, во-первых, был один из величайших подвижников в монашеском и, следовательно, постническом и труженическом образе жизни на святой горе Афонской. Там провел он большую часть своих дней в посте, молитве и безмолвии, и там возрос он до той чистоты сердца и высоты духа, что соделался видимым и ощутительным для всех сосудом благодати Божией. То, во-вторых, что святой Григорий был ревностнейший поборник жития пустынного и, следовательно, постного против тех, кои хотели очернить и унижить его разными клеветами. Последнее обстоятельство сие требует пояснения. Посему мы войдем в некоторые подробности, кои, впрочем, таковы, что могут послужить к назиданию и в наше время.

Пустынножители горы Афонской, ведя образ жизни подвижнический, до того очищали себя от всего плотского и до того утончались и возвышались в духе, что многие из них сподобляемы были откровений и видений духовных, особенно осияния светом небесным, подобным тому, который виден был окрест Спасителя на Фаворе. В событии сем не только не было ничего противного духу Евангелия, но, можно сказать, оно было доказательством и залогом того, что обещается в нем праведникам, то есть что они сами просветятся, яко солнце, в Царствии Небесном. Ибо удивительно ли, что те, кои предназначены быть некогда, яко солнце, и ныне уже, на земле еще, озаряются, яко Луна, светом от духовного Солнца, Еже есть Христос Господь? Но иначе смотрели на сей духовный опыт враги Православия. Вместо того, чтобы признать с благоговением в нем успех подвижников в духовной жизни, они смотрели на него, как на

плод воображения. Мало сего: начали разглашать всюду, что афонские пустынники впали не только в самообольщение, но и в ересь; что они, усвоив сему пренебесному свету Божественность, вводят якобы в Божество два начала – сотворенное и несотворенное; что подобным учением нарушается даже вера правая.

Можете представить, братие, как горька была клевета сия для обитателей святой горы и как тяжела для всей Церкви Православной! Среди тогдашних треволнений еретических Афон всегда был яко духовный Арабат, на коем находил себе пристанище и спасался ковчег Православия, – и вот на сем самом Арабате, как утверждали зломыслящие, является ересь, является под видом самым благочистивым и, следовательно, наиболее опасным! Такая мысль могла привести в смущение и тех, коих «чувствия» обучены, по выражению апостола, «долгим учением» на различение добра и зла (*Евр. 5, 14*); тем паче не могли оставаться в покое души простые и малоопытные в жизни духовной, – вся Церковь греческая пришла в сильное волнение!..

В сие-то опасное для Церкви время пастырь фессалонитский является, яко ангел тишины, для укрощения бури. Обладая обширным и глубоким познанием Святого Писания, он показывает всем и каждому, что учение о свете Фаворском, коего видения сподобляются подвижники афонские, совершенно согласно с духом Евангелия; что те, кои сомневаются в бытии сего света и в озарениях избранных Божиих еще на земле, обнаруживают сим только недостаток своей чистоты и своих духовных подвигов. Как ученик и воспитанник Афона, коему не по слухам только, а на опыте, известен был образ жизни тамошних подвижников, святой Григорий входит во все подробности спорного предмета, преследует каждую кле-

вету зломыслящих от первого ее начала и до последнего конца и, рассеяв таким образом тьму, наведенную на святую гору, показывает ее во всем, дотоле еще не так известном, величии духовном. Самый плен у сарацин не связывает уст святого Григория: он и в узах продолжает разить врагов Православия и утверждать в истине колеблющихся чад Церкви.

В благодарность за сии-то апостольские подвиги, доставившие мир Церкви Православной и приобретшие Григорию наименование «сына Света Божественного», — вскоре по святой кончине его единодушно положено пастырями Церкви, чтобы память о нем украшала собою настоящий день недельный. И праведно! Поелику им ограждена и защищена честь не жителей токмо Афона, а всей жизни подвижнической; спасена честь святого поста, яко первейшего из средств, коим святые подвижники афонские достигали озарения Светом Божественным, — то воспоминание подвигов святого Григория всего более потому приличествовало не другому какому-либо времени, а именно дням Великого поста.

Мы, благодарение Господу, свободны от еретических треволнений, смущавших Церковь во время святого Григория, но память о нем весьма поучительна и для нас. Чем? Тем, чтобы мы, держа в уме древний пример, не позволяли себе увлекаться теми легкомысленными суждениями о жизни подвижнической и в частности о святом посте, кои, к сожалению, можно слышать по временам и из уст людей, не чуждых уважения к Церкви; тем паче, чтобы заграждали слух свой от безумного глумления в сем роде тех, кои берутся судить о всем и отвергать все, сами не ведая, как должно, ничего. Не удивительно, если духовные опыты святых подвижников всего чаще подвергаются нареканию у тако-

вых лжеумников; ибо они слишком удалены от их скудного и слабого понятия о предметах духовных и совершенно противоположны их оплотняемому взгляду на все и на самый дух человеческий.

Если встретите подобных людей, если услышите подобные речи, то вспомните о святом Григории и о его подвиге; вспомните, как он рассеял и низложил клеветы на святую жизнь подвижников. Такое воспоминание послужит для вас всегда готовым щитом против соблазна. Не в первый и не в последний раз жизнь по духу подвергается нареканиям от людей плотских. Апостол давно сказал, что «плотский человек не приемлет, яже Духа Божия, и не может разумети, юродство бо ему есть» (1 Кор. 1, 14). Приметьте выражение апостола: «и не может разумети». Как же судить о том, чего не разумеет? Чтобы судить о духовных предметах, тем паче о духовных опытах, надобно самому судящему сподобиться Духа, чего да достигнем все мы благодатию Господнею и молитвами святого Григория! Аминь.

Слово в неделю Крестопоклонную – о кресте жизни

И, призвав народы со ученики Своими, рече им: иже хочет по Мне идти, да отвержется себе и возьмет крест свой и по Мне грядет. Иже бо аще хочет душу свою спасти, погубит ю; а иже погубит душу свою Мене ради и Евангелия, той спасет ю. Кая бо польза человеку, аще приобрящет мир весь и отщипит душу свою?

(Мк. 8, 34–36)

Возвещая вам, братие мои, слово Божие, мы всегда находили в вас благоговейное внимание к нему, так что, к утешению нашему, и нам можно сказать со апостолом, что вы принимали возвещаемое вам не «аки слово человеческое, но якоже есть воистину слово Божие» (1 Сол. 2, 13). При всем том мы почитаем за долг нынешнее собеседование наше начать приглашением усугубить ваше внимание, очистить и воскресить мысль, отверсть и расширить уста сердца. Так поступаем мы не потому, чтобы предполагали сказать вам от себя самих что-либо особенно важное и дорожили собственными словами нашими, а потому, что в нынешнем Евангелии, которое мы будем излагать, содержится поучение чрезвычайно нужное и важное для каждого.

В самом деле, братие, хотя слова Господа и Спасителя нашего все «дух и живот суть» (Ин. 6, 63), все суть «ей» и «аминь» (2 Кор. 1, 20), но и Он Сам не о всем говорил одинаково: когда хотел внушить что-либо

особенно важное, то возвышал голос, говоря: «Аминь, аминь, глаголю вам» (Ин. 10, 1), или присовокуплял в заключение сказанного: «Имеяй уши слышати да слышит!» (Мф. 13, 9).

Нынешняя беседа Господа такова, что ее надобно слышать, если бы то было возможно, и не имеющим ушей. Посему и предложена она особенным образом: «призвав, – как говорит евангелист, – народы со ученики Своими»... Иное, то есть, говорил по временам Спаситель ученикам Своим, сообразно их особому предназначению, а иное – народу, соответственно его нуждам; всегда почти притом говорил Он, вызванный желанием слушателей, а ныне он говорит ко всем, говорит Сам, говорит, призвав к слышанию «народы со ученики». Так поступлено, без сомнения, не по чему другому, а потому, что беседа имела быть особенною, чрезвычайно нужною и важною для всех.

Итак, придите все, малые и великие, просвещенные и простые, знатные и худородные, приидите выслушать то, что речет нам Господь и Спаситель наш. «Призвав народы со ученики Своими, рече им: иже хочет по Мне идти, да отвержется себе и возмет крест свой и по Мне грядет».

Видите ли важность проповеди Христовой? Дело идет не о малом чем-либо, а обо всем. Кто из нас не захочет идти за своим Спасителем и Господом? В этом состоит самая вера наша, что мы все идем за Ним, как за Источником истины и самою Истиною; в этом состоит вся нравственность наша, что мы идем за Ним, как за Наставником в добродетели, как за Образцом в святости и самою святостию; в этом состоит все упование наше, что мы идем за Ним, как за Избавителем от всех зол, как за Виновником жизни вечной и самой жизнью. От веры

во Христа, от последования за Ним мы ожидаем всего. Посему для каждого из нас крайне нужно знать: чего требует это самое последование и в чем состоит оно; кто действительно идет за Христом и, следовательно, дойдет до цели, и кто не идет за Ним, хотя и думает, и, следовательно, никогда не достигнет преднамеренного конца? И се, Спаситель Сам хочет сказать нам о всем этом, хочет указать каждому, что значит идти за Ним. Можно ли после сего быть равнодушным к такой проповеди?

Итак, еще повторим: для кого дорого спасение своей души, кто хочет на самом деле быть христианином, тот обрати все внимание на слова Спасителя. Если условие спасения, Им Самим предложенное, выполняется в тебе, то ты на добром пути: ты безопасен, блажен, хотя бы был последним отребием мира. А если ты не подходишь под сие правило, если небесная мера не по тебе, то, кто бы ты ни был и что бы ни значил в мире, между людьми, ты в крайней опасности; и если останешься тем, что теперь, то непременно погибнешь на веки.

Дабы облегчить для каждого занятие сим столь важным делом, рассмотрим, братие мои, со всем прилежанием каждое слово Спасителя, как бы от него зависели (как и действительно зависят) наша жизнь и наше спасение.

«Иже хочет по Мне идти, да отвержется себе и возьмет крест свой и по Мне грядет».

В словах сих предлагаются три условия, кои надобно выполнить тому, кто хочет быть не своим, а Господним. Надобно, во-первых, отвергнуться себя; надобно, во-вторых, взять крест свой; надобно, наконец, последовать за Господом. Вот лестница к небесам, другой нет и быть не может! Вот и главные ступени сей лестницы, других нет и быть не может! Рассмотрим каждую ступень порознь.

«Иже хочет по Мне идти, да отвержется себе!» Самоотвержение есть условие, крайне неприятное для нашего самолюбия, но, как показывает опыт, необходимое во всех делах важных. В самом деле, начинают ли учиться чему-либо – отвергаются своего ума, слушают и верят, что скажет учитель. Идут ли на сражение с неприятелем – отвергаются своей воли и подчиняют себя распоряжениям военачальника. Хотят ли вылечиться от какой-либо тяжелой и опасной болезни – во всем полагаются на искусство врача и отдают себя на его руки. Так поступают обыкновенно и в земных делах. Удивительно ли после сего, что с самоотвержения начинается и дело нашего спасения, или, что то же, последование за Христом!

Но в чем должно состоять оно и до чего простирается? И в обыкновенных делах самоотвержение простирается очень далеко. Воин, например, простирает и должен простираť его до того, что он по одному слову не только общего и главного вождя, но и ближайшего своего малого начальника готов идти на явную смерть. Будем ли после сего удивляться, если самоотвержение христианское прострется до смерти?

И оно простирается до сюда. Да, братие, мы не скажали бы вам правды, если бы сказали, что отвержение себя, которого требует Господь наш от последователей Своих, ограничивается отвержением некоторых только худых мыслей, желаний или поступков; нет, оно состоит в отвержении всего ума плотского, всей воли невозрожденной, и это не в известных только случаях, не на известное только время, а везде и всегда, на всю жизнь. Притом это всецелое и всегдашнее отвержение себя должно в христианине простираť до возненавидения себя, как прямо и ясно написано о том в Евангелии: «Аще кто грядет по Мне и не возненавидит душу свою, не может бытьи

Мой ученик» (Лк. 14, 26). Как, по-видимому, ни строго требование сие, но оно столь же естественно, как и необходимо в настоящем состоянии нашем. Ибо в грешнике, каковы все мы, немного такого, что можно любить, и крайне много, за что должно ему себя ненавидеть. С другой стороны, что ненавидим, того легко и самоотвергаться; трудно оставлять и презирать только то, что любишь. Посему последователь Христов для успеха в отвержении себя сам должен стараться возненавидеть себя; ибо, возненавидев, он уже не может не отвергаться себя.

Но как возненавидеть себя, когда каждый, по природе, любит себя? Как возненавидеть? А как ненавидит себя преступник, в коем пробудилась совесть, и сам себе желает казни? Как ненавидит себя больной, страждущий какой-либо ужасной болезнью, и призывает смерть? Как ненавидит себя человек, просто соскучивший жизнью, и не желает смотреть на свет Божий? Во всех сих случаях наша ненависть простирается далее всех пределов; а когда нужно отвергнуться самих себя, дабы идти за Господом к вечной жизни, тут мы будем недоумевать и спрашивать: как возненавидеть себя? Познанием самих себя. Когда бы ты увидел, что на плечах твоих грязное, разодранное, смрадное рубище, тотчас сбросил бы его с себя и никогда бы не воротился за ним, чтобы надеть его. Узнай же чрез внимание к себе, что твоя настоящая чувственная жизнь есть такое именно рубище, и ты возненавидишь свою чувственность и отвергнешь себя. Равно, если бы ты увидел, что у тебя в самой любимой комнате твоей, где ты почиваешь, завелись змеи, то немедленно убежал бы из этой комнаты и предпочел ей чистую хижину; познай же, что в душе твоей живут и непрестанно плодятся злые пожелания, и ты возненавидишь свое сердце и не захочешь иметь его. Равным

образом, когда бы ты узнал, что ты заразился смертельной болезнью, то, в таком случае, ты рад бы бросить себя и навсегда уйти от себя, если бы то было можно, на край света; познай же, что ты заражен смертоносным ядом греха, что сей яд непременно причиняет смерть вечную, — и ты готов будешь не только разлюбить, но и возненавидеть себя и, таким образом, исполнить во всей точности требование небесного Врача, чтобы всецело отвергнуться себя ради последования за Ним.

Но, как бы то ни было, возлюбленный собрат, только без отвержения себя нельзя сделать в последовании за Господом ни единого верного шага. Ибо, рассуди сам, как бы ты решился оставить свой путь и следовать за Господом, если бы ты не разлюбил своего пути, не убедился, что ты сам не можешь быть своим руководителем, другими словами, не отвергнулся самого себя? Следуют за другими тогда, когда не полагаются на самих себя; не полагаются на самих себя тогда, когда убедились в своих недостатках, в своей худости. Другое дело, если бы Господь повел тебя за Собою тем же путем, каким следовал ты сам; но Он будет вести тебя путем новым, нередко совершенно противным твоему прежнему пути, потребует от тебя именно того, что не по твоему прежнему образу мыслей и чувств, не по твоему греховному нраву и жизни. Как же ты будешь выполнять требуемое, не оставив прежнего образа мыслей, чувств и желаний? Как, не отвергнувшись своего ума, ты будешь принимать тайны веры, кои превыше ума и противны его мудрованиям? Как, не отвергнувшись своего самолюбия, ты будешь почитать себя первым из грешников и любить своих врагов? Как, не отвергнувшись своей плоти и крови, ты будешь распинать свою плоть с ее страстями и похотями? Как, не возненавидев своей души, ты

будешь стараться погубить ее? Явная несовместимость! Оттого что и бывает с теми, кои, не отвергнувшись себя, думают идти за Господом? Они только думают идти за Ним, а в самом деле идут не за Ним, а за самим собою: кто за своим умом и познаниями, кто за своим сердцем и даже страстями, кто за обычаями века сего и примерами других. Иначе и быть не может; потому что, иже хочет идти за Господом, тот, по слову Его, прежде всего «да отвержется себе»: это первое необходимое условие, первая ступень в лестнице к небесам!

Второе требование и вторая ступень: «да возьмет крест свой!» Крест есть орудие казни; он необходим, когда есть преступник, коего казнить должно: кто же этот преступник? Мы сами: наш плотский человек, наша злая воля, наше преступное самолюбие, все ветхое падшее существо наше. Отвергаясь его, мы много делаем, но далеко не все. Отвергнутый ветхий человек наш не будет лежать в бездействии, как лежит ветхое, сброшенное с плеч рубище; нет, это лютый зверь, который, отвергнутый и даже пораженный, возобновляет нападения и становится тем разъяреннее и опаснее, чем более его поражают. Тут одно из двух: надобно умертвить отвергнутого или самому пасть под его ударами. Чем же будем умерщвлять врага нашего, то есть нашу плоть и кровь, наше самолюбие и страсти, наше плотоугодие и гордость? Собственным разумом? Он сам, доколе не возродится свыше, «кичит» (1 Кор. 8, 1), возьмется на разум Божий и потому имеет нужду в умерщвлении. Собственной волей? Но она так слаба на добро, что «хотети, — как выражается апостол, — прилежит ей, а еже содеяти доброе, не обретает» (Рим. 7, 18). И как она возложит руки на свое собственное самолюбие? Нужно орудие самоумерщвления внешнее, твердое, могущественное; посему-то и повелевается, отвергнувшись себя, взять крест. То есть, что

сделать? То есть полюбить, избрать, усвоить себе все, что умерщвляет в нас наше самолюбие и злую волю, нашу чувственность и страсти. Посему крест, например, есть бедность и недостатки; крест – бесчестие и клевета; крест – болезни и слабости; крест – худая женитьба и худое соседство; крест – бездетство и многосемейность; крест – потеря сродственников и друзей; крест – все несчастные случаи. Сей-то крест, эту совокупность огорчений, досад, лишений, искушений, бедствий, надобно взять, то есть избрать и усвоить себе, тому, кто хочет быть истинным последователем Христовым. Надобно взять не так, как преступник берет орудие казни, с отвращением, досадой, по необходимости; нет, надобно взять добровольно, с усердием, в повиновении благой воле Божией, по любви к своему спасению, в твердом убеждении в его пользе и необходимости, – надобно взять сей крест, как больной берет самое горькое и противное лекарство, ожидая от него возвращения себе здоровья и силы. Только когда крест берется таким образом, он составляет врачевство, есть признак последователя Христова, есть символ и знамение христианства. Без такого взятия, добровольного, разумного, в духе веры и любви, крест есть тягость, подавляющая, умерщвляющая, но не воскрешающая. Ибо надобно знать, братие, что крест, как совокупность лишений, неизбежен человеку на земле; от него нельзя уйти никому: его надобно нести всякому, и не следуя за Христом, подобно как его нес вместе со Христом разбойник, Его хуливший. Но такой крест, не взятый, а возложенный необходимостью, не спасает, а только убивает и мучит бесплодно.

Заметим еще и то, что Спаситель велит последователю Своему взять крест «свой» – тот, который принадлежит именно ему, назначен свыше для него. Это нужно заметить для того, что злая воля наша своенравна во всем, даже в

выборе креста, на коем ей должно быть распятою. Не хотят взять тот, который дан Богом, а хотят иметь самодельный, в таком, а не другом виде, состоящий из таких, а не других скорбей и лишений. Так, например, такому-то человеку видимо суждено страдать и очищаться подвигами жизни семейной и общественной, а он ищет для себя крестов жизни отшельнической. До каких затруднений, опасностей не доводит людей такой произвол и самонравие, по-видимому, не предосудительные, а в самом деле вредоносные! А главная опасность – та, что таким образом дают место своему произволу, когда он-то первый и должен подлежать отвержению и смерти на кресте. Нет, возлюбленная о Христе душа, если ты действительно отверглась, как должно, самой себя и решила идти за Господом своим на Голгофу, то ты уже не будешь разбирать крестов, престанешь вымышлять их по-своему, а возьмешь тот, который давно готов для тебя. Да, он давно готов! Ибо, так как крест есть необходимость для каждого, то Промысл Божий располагает нашу жизнь так, что для каждого есть свой крест, своя доля скорбей, искушений, болезней. Сей-то крест есть самый действительный и животворящий, ибо он устроен не человеком, а Самим Богом. Посему, кто решился идти за Господом и для того взять крест, должен найти именно свой крест, а не брать чуждого, себе не принадлежащего, дабы за свое своеволие не пасть под его тяжестью.

Но ужели в сем случае нет никакого места произволу, свободным самолишениям и жертвам? Есть, весьма есть! Только первое всего надобно решиться переносить лишения и скорби, посылаемые от Бога, те, кои неизбежны по самому нашему положению в мире и обществе, а потом уже, если достанет усердия и откроется случай и нужда, решаться на жертвы произвольные. Но и в сем случае необходимо правило – брать крест опять

не чуждый, а свой, то есть сообразный со своим состоянием, своими силами, с христианским смирением и самоотвержением. И особенно с самоотвержением, чтобы, думая иметь второй и сугубый плод, так сказать, в лучшем виде, не потерять первого и, взяв крест, не взять в нем тайно и неприметно самого себя.

Таков, братие мои, смысл второго требования от последователя Христова, и се свойство второй ступени в лестнице к небесам!

Третье требование и третья ступень есть шествие с крестом за Господом: «Да возьмет крест свой и по Мне грядет!»

«Грядет». Жизнь наша есть путь непрерывный: можно остановиться на нем своей деятельностью, но нельзя остановить течения вещей, развития или упадка собственных сил и жизни. Все это, не останавливаясь, идет неуклонно. Тем паче жизнь духовная, христианская, есть путь непрестанный, всегдашнее хождение во свете заповедей Божиих, где нельзя остановиться без того, чтобы в то же время не остаться назади.

Посему-то Спаситель повелевает последователю Своему, взяв крест, не стоять в раздумье, не смотреть по сторонам, а идти не останавливаясь. То есть что делать? Во-первых, всегда помнить, откуда, из какой тьмы и пагубы, он изведен благодатию Божиею; куда, к какому свету, чистоте и совершенству, ему должно стремиться; что у него и для чего за плечами, то есть не свирели и тимпаны, не розы и лилии, а крест; и помня все это, непрестанно устремляться в передние, переходя путем узким от веры в веру, от добродетели к добродетели, от одного опыта самоумерщвления к другому, не удовлетворяясь никакой внешнею благовидностью своего поведения, а простираясь до истинной чистоты намерений, до совер-

шенной богоугодности действий, до полного умерщвления в себе греха и самолюбия. Так поступал апостол Павел, который и после того, как был уже на третьем небе, почитал себя еще «не достигшим» (*Фил. 3, 13*) и, нося «язвы Господа на теле» (*Гал. 6, 17*) своим, будучи распят миру, все еще продолжал по вся дни умерщвлять тело свое, «да не како, – говорит, – проповедуя иным, сам неключим буду» (*1 Кор. 9, 27*). Противно сему поступают те, кои, по надежде на окружающие их лишения и горести, думают, что они чрез то совершенно безопасны от искушений и соблазнов, потому оставляют духовное бодрствование и предаются бездействию. Оттого-то именно бывает, что иные, как выражается сей же апостол, «наченше духом», скончают плотию (*Гал. 3, 3*). Блудись сего, последователь Христов!

Чрезвычайно важно еще при том, чтобы, взяв крест, идти не за кем-либо другим, а именно за своим Спасителем: «грядет в след Мене». Увы, братие мои, можно нести крест и идти не во след Спасителя, а в след того же мнимо отвергнутого греховного своего человека! Можно страдать и терпеть и в то же время погублять мзду и страданий, и терпения! Это бывает, когда мы среди нашего крестоношения руководствуемся не верою в Господа и Его примером, не правилами Евангелия, а своим воображением и чувствами или худо понятыми примерами других. В таком случае обыкновенно впадают в крайности, устремляются к тому, что, хотя само в себе хорошо, но нам не свойственно, – и не исполняют того, что кажется не так высоко, но для нас необходимо. Чтобы избегнуть сего, крестоносцу надобно непрестанно иметь пред очами жизнь Господа своего и по возможности подражать ей. Кто будет поступать таким образом, тот не увлечется, например, той

неправильной мыслью, что якобы для самоотвержения христианского нужно человеку бросить все житейские связи и бежать в пустыню. Спаситель, напротив, для великого крестоношения Своего изшел из пустыни, около четырех лет провел между людьми всякого рода, странствуя по градам и весям. Памятуя сие, каждый может спокойно оставаться в своем звании и при своих обыкновенных делах, только, пребывая и живя, как член общества не должен забывать, что он есть крестonosец Христов и что вследствие сего и ему предлежит своя доля скорбей и напастей, если не отвне, то от собственного сердца и страстей, доколе они не будут умерщвлены на кресте. Кто будет идти со своим крестом во след Спасителя своего, тот избегнет и той искусительной мысли, что для крестonosца Христова вовсе непозволительно участвовать в невинных радостях жизни, в удовольствиях семейных, пользоваться дружбою, уважением сограждан и проч. Нет, Господь Сам не отвергал знаков любви к Себе, разделял общую радость на браке в Кане Галилейской, похвалил жену, помазавшую ноги Его миром, был даже на Фаворе и блистал славою небесною, — только и на самом Фаворе не забывал креста Своего, беседуя с Моисеем и Илиею о исходе Своем, «егоже хотяше скончати в Иерусалиме» (Лк. 9, 31), то есть о своей крестной смерти. Наконец, Он ли не имел мужества нести Свой крест до конца? И, однако же, не пререк, когда распинатели возложили крест Его на Симона Кирияейского. Тем паче нам, слабым и непостоянным, кто бы мы ни были, не подобает уклоняться, когда Промысл посылает кого-либо для облегчения нашего креста, дабы в противном случае не попасть за свое самонадеяние в плен последнему врагу — гордости духовной.

Кратко: взяв крест, должно идти путем веры и добродетели, идти непрестанно, идти за своим Спасителем, руководясь Его примером и повелениями, идти, не озираясь вспять к прежним греховным навыкам, не рассеивая взоров по сторонам, ограждаясь непрестанно смирением и молитвою.

Но куда же приводит путь сей? Где цель его, и что там?

Спаситель не открыл сего в настоящем случае прямо, потому что, когда предлагалась настоящая беседа, Его собственный путь еще продолжался. Но можно ли много недоумевать и вопрошать о том, где конец пути крестного? Когда велят идти с крестом за плечами, то, явно, не на брак и пиршество. Когда надобно идти с сим крестом за Господом, то нельзя не придти, наконец, на Голгофу. Для чего носили преступники свои кресты? Для того, чтобы быть распятыми на них. Для того же должен нести свой крест и ты, христианин! Смерть, смерть крестная, вот цель твоего крестоношения, твоего последования за Христом! «Иже Христовы суть, – говорит апостол, – плоть распяша со страстьми и похотьми» (*Гал. 5, 24*) – и представляет в пример сего распятия себя самого: «им же мне мир распяся и аз миру» (*Гал. 6, 14*).

Но если где, то при сей истине все падшее существо наше возмущается, все кости плотского человека нашего вопиют: «Не хотим сему, да царствует над нами» (*Лк. 19, 14*). Что за царь, у коего вместо скипетра – крест? Что за предводитель к победе, который ведет последователей своих на смерть неизбежную? В самом деле, братие мои, почему так мало истинных последователей Христовых? Именно потому, что, следуя за Христом, надобно идти на смерть своей чувственности. Отвергаться самих себя отчасти соглашаются, ибо не мо-

гут не видеть, что в них есть много даже такого, чего вовсе нельзя терпеть. Соглашаются даже и взять крест, то есть переносить скорби, подвергаться лишениям, находя это с одной стороны неизбежным, а с другой полезным; но быть распяту со Христом, погребену, дабы потом не иметь своего ума, своей воли, своей жизни, — на это решаются только немногие, избранные; об этом вовсе не думают, сего не почитает нужным большая часть даже из так называемых добрых христиан.

Да будет же известно, братие мои, всем и каждому, что без сораспятия нашего Господу и Спасителю нашему невозможно, решительно невозможно, участвовать нам и в воскресении с Ним; ибо естественная жизнь наша во грехе и страстях так противоположна истинной жизни нашей в Боге, как ночь противоположна дню. Чтобы настал день и взошло солнце, непременно надобно пройти прежде ночи. Подобно сему, чтобы явилась в нас жизнь Христова, а с нею радость и блаженство вечные, необходимо прежде истребиться в нас жизни греховной. Посему думающие достигнуть спасения иным каким образом, а не чрез умерщвление своей плоти и страстей, подобны тем людям, кои желали бы получить здоровье, не исцелившись от лютой болезни. Сего не может сделать для нас Спаситель наш, ибо это значило бы предоставить Царствие Небесное греху и страстям. Посему, кто хочет последовать Ему, тот заранее должен решиться на умерщвление в себе всего противного воле Божией и, следовательно, первее всего — на умерщвление своего самолюбия, которое составляет корень всех наших нечистот и преступлений.

Дело столь великое, хотя может начаться в нас каждое мгновение, очевидно, не может совершиться в краткое время; ему должна быть посвящена вся наша жизнь.

Посему тот в жалком заблуждении, кто думает, что для вечного спасения души своей достаточно, например, провести в покаянии и молитве один какой-либо Великий пост. Нет, этот Великий и воистину душеспасительный пост должен состоять из всей нашей жизни. Пасха и Воскресение после таковой сорокадневщины празднуются уже не на земле, а там – в невечернем дни Царствия Христова.

Очевидно также, что умерщвление в нас ветхого человека сопряжено со многим принуждением себе, с лишениями и скорбями. Но что же делать? Это болезни нового рождения от духа. Как по плоти нельзя родиться без крови и слез, так нельзя возродиться и по духу без скорби и печали по Бозе. Спаситель никого не принуждает к сему: «Иже аще кто хочет...» Но мы сами, поняв надлежащим образом дело спасения нашего, мы сами должны отвергнуть широкий путь, вводящий неминуемо в пагубу, и возлюбить путь узкий, который один вводит в живот. Ибо что пользы, если мы, уклонившись от ига Христова, избегнем скорбей временных, а подвергнемся чрез то, подобно богачу евангельскому, мучению вечному? Но избегнем ли, уклонившись от последования Христу, даже временных скорбей? Увы, мир, нас обольщающий, имеет не одни розы, а и множество вместе с ними терний; первые цветут кратко, а последние – всегда на древе. Какая неизмеримая толпа миролюбцев! Но много ли довольных своей участью? Все стонут и вздыхают. Посему, если уже неизбежно страдание, то лучше терпеть и страдать для Христа и со Христом, нежели для мира и с миром. В первом случае временными страданиями искупается вечное блаженство, а в последнем – временные страдания послужат залогом и предначатием вечных мук.

Уразумеем же тайну Креста Христова и нашего. Познаем необходимость обоих крестов; познав, возлюбим тот и другой любовью неразрывною; возлюбив, будем нести свой крест по следам Спасителя нашего, распинаемая на нем ветхого человека нашего, тлеющего в похотех прелестных. Сделаем все сие, братие мои, ибо сие есть живот вечный! Другого пути к животу и царствию для нас нет и быть не может! Аминь.

**Слово в неделю 4-ю Великого поста –
о «Лествице» святого Иоанна Лествичника**

Из предшествующих собеседований наших вам уже известно, братие мои, что настоящий день недельный посвящен Церковью хвалебному воспоминанию памяти святого Иоанна Лествичника. Небезызвестно также и то, что великая честь сия воздана ему Церковью преимущественно за то руководство в духовной жизни, каким пользовались от него многие во время жития его на земле и которое он, можно сказать, увековечил для всех нас в душеспасительном творении своем, известном под именем «Лествицы».

Итак, нам остается, сообразно намерению Церкви, познакомить вас с сей «Лествицею», которая, к сожалению, мало известна даже для тех, коим не противно было бы начать не умозрительный токмо, а и деятельный восход по священным ступеням ее. Причиной такой неизвестности сей превосходной книги, может быть, отчасти и язык ее – славянский и потому не для всех понятный. Ибо мы, учась многим языкам иностранным, кои большей частью не находят у нас для себя почти никакого употребления, небрежем, к стыду нашему, об изучении языка славянского, несмотря на то, что он есть язык

Священного Писания, язык Церкви и корень нашего языка отечественного. Но если бы была охота, то «Лествица» Иоаннова могла бы к желающим явиться и на том самом языке, который для них сделался одной из первых потребностей в жизни. Ибо творение сие, за его достоинство, давно усвоено всеми образованными народами. Но мы, жертвуя языку галлов так многим, не умеем и не хотим извлекать из него той пользы, которую он мог бы доставить нам духовными творениями, на нем находящимися, а только, подобно неразумным детям, сосем из него яд сладкий посредством чтения душетленных поветей и высокоумных мечтаний.

Но обратимся к «Лестнице» Иоанновой. Так названо им самим собрание душеполезных размышлений о главных добродетелях христианских, преимущественно тех, коими подавляется и умерщвляется в нас ветхий наш человек, то есть грехолюбивая плоть с ее страстями и похотями, и оживает вместо него, растет и укрепляется в нас человек новый, духовный, живущий по Бозе верой, любовью и упованием жизни вечной. Составлено сие творение для посвятивших себя жизни иноческой. Но поелику сущность дела спасения для всех одна и та же и состоит в очищении природы нашей от зла, в ней гнездящегося, и в наполнении ее благодатью Божиею, а с нею и всеми добродетелями, то «Лествица» Иоаннова весьма полезна и душеспасительна для всякого, кто желает быть христианином не на словах токмо и по имени, а на самом деле.

Число ступеней, или духовных размышлений, в «Лестнице» тридесать, по числу лет земной жизни Господа нашего до Его Крещения, ибо Господь крестился и исшел на дело нашего спасения не прежде тридесати лет, и притом потому, как должно полагать, что в это время

естество человеческое достигает своего полного возраста, а мы все, по наставлению апостола, должны приходить в меру возраста исполнения Христова, к чему ведет и способствует «Лествица» Иоаннова. Посему и добродетели следуют в ней одна за другой в естественном их порядке и преемстве, начиная от приуготовительных и низших!

Вот краткое, внешнее очертание творения Иоаннова! Хотите ли ознакомиться с его внутренним духом? Для сего, сообразно ныне чтенному Евангелию (*Мк. 9, 29*), где в одном из событий изображена чудотворная сила молитвы, прочитаем из его «Лествицы» размышление о молитве.

«Молитва, — так начинает св. Лествичник, — в рассуждении своего качества есть сообщение и соединение человека с Богом, а в рассуждении действия есть ходатайство о благосостоянии мира, Божие примирение, мать и дочь слез, очищение грехов, надежный мост для прохождения волн искушений, средостение, защищающее от всяких злоключений, пресечение внутренних браней, ангельское упражнение, всех бестелесных существ пища, будущее веселие, непрерывное действие, источник добродетелей, ходатаица благодатных дарований, невидимое преуспевание, душевное брашно, просвещение мысли, секира отчаяния, утверждение надежды, разрушение печали, монашеское богатство, безмолвническое сокровище, утоление гнева, зеркало духовного успевания, учительница умеренности, живое представление человеческого состояния, будущих вещей вестница, предзнаменованье грядущие славы. Молитва для молящегося истинно есть суд и истязание Господне прежде будущего оного Страшного Судилища».

Скажите, кто бы из нас мог лучше и полнее изобразить свойства и силу молитвы? Сколько тут, не говорю:

мыслей и чувств молитвенных, а тайн и чудес молитвы! И как ощутительно, что все это изображение молитвы составлено не по воображению, как нередко бывает у нас, а по действительному опыту! Оттого как полно жизни каждое слово и выражение!

Вот что повествует потом святой Лествичник о различных видах молитвы.

«Предстояние на молитве едино, но многие и различные виды. Ибо иные с Богом, яко с другом своим и Владыкою беседуют, и не столько для своего, сколько для других заступления, песнь и молитву Ему воссылают. Другие просят духовного богатства, славы и священного к Богу дерзновения. Иные молят избавиться вовсе от своего супостата. Другие молятся о получении какого - нибудь достояния; иные, дабы совершенно освободиться от беспокойства о долге греховном; другие, чтобы изведенным быть из скучного жития сего темницы; иные, наконец, чтобы разрешены были их преступлений».

Как и здесь видно не умозрительное какое-либо соображение, а духовная опытность! И мы могли бы говорить о родах молитвы; но как? Гадая и предполагая, собирая, подобно нищим, лепты чуждых сказаний и опытов, не смея утвердить, что дело происходит так, а не иначе. Иной язык у Иоанна: он говорит твердо и решительно, ибо прошел то делом, о чем говорит словом.

Один из важнейших вопросов о молитве состоит в том, как предстоять на ней.

«Ежели случилось тебе, — отвечает Лествичник, — когда ни есть, быть обвиненным перед земным судиею, то не для чего искати тебе другого образа предстояния на молитве. Если же ты ни сам ни пред каким не предстоял судиею, ниже других истязуемых не видывал, то

по крайней мере научися сему от примера тех прошений, коими больные врачей умоляют, когда врачи хотят у них резати или жещи какие-нибудь члены».

Ответ краткий, но вполне обнимающий все дело.

Нужны ли в молитве многие слова и красноречие?

«Не мудрствуй, – вразумляет Лествичник, – при молитве своими словами; ибо часто простая и нехитростная детская немота Небесному Отцу приятна бывает. Не пещыся такожде при ней быть многословным, дабы приискиванием речей не рассеяти своей мысли. Едино мытарево слово умилиствовало Бога, и едино с верою произнесенное речение спасло разбойника. Многоглаголанье бо при молитве часто разные в ум наш мечтания приводит и расхищает оный; а краткое и едино слово нередко рассеянную мысль нашу во едино собирает. Не зело буди при молитве дерзновенен, хотя бы ты и чистоту некоторую стяжал; но паче приступай к Богу с великим смиренномудрием, то более получиши у него дерзновения. Хотя бы ты взошел на всю добродетелей лествицу, однако всегда молися о оставлении своих прегрешений, слушая ап. Павла, о грешниках глаголющего: “от них же первый есмь аз”».

Как ни полезны и верны сии советы касательно образа моления, но их еще можно найти и у других наставников, писавших о молитве. Но вот драгоценный совет, который преподан касательно сего предмета одним Лествичником и, без сомнения, взят из опыта: «Когда при каком ни есть молитвы своя изречения почувствуешь внутреннее услаждение либо умиление, то остановись на оном; ибо тогда Ангел-Хранитель вкупе с нами молится».

Есть ли степени в молитве? Есть, отвечает Лествичник.

Начатие молитвы состоит в том, чтобы приходящие к нам посторонние мысли при первой их встрече единым своим умом отражати. Средине оныя есть, когда мысль наша в том единственно углубляется, что мы читаем и о чем рассуждаем. Совершенство же ее заключается в восхищении души нашея к Богу.

О, если бы сподобил нас Господь и сей последней высоты!

Что делать тем, кои не стяжали еще умения молиться?

«Доколе мы достодолжным образом молиться еще не можем, дотоле походим на тех, кои малых детей учат ходити. Старайся всегда мысль свою горе возносить, или, лучше сказать, в разумение молитвенных слов углубляти; и хотя бы она по младенчеству своему утомилась, паки восставляй ее. Ибо непостоянство есть свойственно нашей мысли, но Могущий вся утвердити, конечно, и оную может восставить. Ежели ты неопустительно в подвиге сем пребудешь, то, конечно, и к тебе придет Тот, Иже положит пределы морю твоея мысли и речет к оному: во время твоей молитвы доселе гряди и не преходи далее. Невозможно духа никакими узами связати; но идеже присутствует Творец духов, тамо вся Ему повинуются».

Премудро успокаивает святой Иоанн тех, кои думают, что молитва их бесплодна, и тем смущаются.

«Моляся чрез долгое время и прошения своего не получая, не говори, что будто ничего не стяжал бы своей молитвой; ибо уже получил ты и так много. Какое бо добро может быти величественнее, как прилепиться Господу и в беспрерывном с Ним союзе пребывати?»

Премудро также отвечает святой подвижник на вопрос: можно ли дерзать молиться за других, не имея еще дара молитвы?

«Когда тебя просят, чтобы ты помолился о спасе-

нии другого, то ты не отрицайся, хотя и не стяжал еще дара молитвы. Ибо часто вера того, который просит, и молящегося в сокрушении сердца спасает. Моляся же о других и быв от Бога услышан, не возносятся, потому что вера их в том тебе содействовала и помогала».

Долго ли надобно стоять на молитве?

«Не отходи от молитвы дотолы, дондеже, по Божию мановению, огонь усердия твоего несколько угасает и вода слез твоих истощается будет. Ибо может статься, такового другого времени, к прощению грехов твоих толь способного, во всю жизнь не получиши».

Выслушаем еще некоторые, особенно примечательные, советы святого Иоанна касательно молитвы.

«Не определяй на молитву того времени, которое ты на отправление дел нужнейших и духовных употребить должен».

Совет весьма нужный для некоторых. Ибо, как есть люди, кои небрегут вовсе о молитве и готовы променять ее на занятие предметами самыми маловажными и ненужными, так есть и такие, кои, по некоему пристрастию к молитве устной, бросают для нее дела самые важные и, таким образом, производят расстройство в исполнении своих обязанностей и кладут нарекание на молитву. Апостол заповедует непрестанно молиться; но как? Не устами, а сердцем, не во храме только, или пред образом, а и занимаясь делами своего звания, – везде и во всякое время.

«Не исчисляй подробно, – продолжает Лествичник, – при молитве своей всех телесных пороков, каковы они сами в себе суть, дабы тебе самому себе наветником не соделаться».

Опять важный совет! Коль скоро душа, по милосердию Господа, очистится покаянием от грехов и просветлеет благодатию Святого Духа, то одно воображе-

ние грехов и беззаконий, особенно плотских, отъемлет уже у ней часть чистоты умственной: посему и должно быть избегаемо. Всегда памятуй, что ты был великим грешником, дабы сохранить смирение и избежать мечтаний о своем достоинстве; но подробности грехов старайся забыть, дабы мысль о них, как искра, не произвела паки в грехолюбивой природе твоей пожара.

Можно ли по чему-либо узнать о действиях своей молитвы?

Можно, отвечает святой Иоанн. «При всякой молитве бывает некоторое знамение о услышании Богом нашего прощения. Знамение сие состоит в разрешении нашего сомнения и в твердом объявлении нам неизвестного».

Значит, надобно только уметь наблюдать сие знамение и для сего иметь тонкость слуха внутреннего.

Какие действия молитвы в тех, кои умеют молиться?

«Некоторые, встав от молитвы, как бы из некоторой распаленной печи исходят, чувствуя себя от греховной нечистоты очищенными; а другие, как бы неким светом озарены будучи и в одежду смирения и веселия облечены, от молитвенного подвига возвращаются».

Довольно на сей раз и сих кратких приводов.

Не правда ли, братие мои, что творение, в коем содержатся такие редкие духовные опыты и такие превосходные душеспасительные советы, стоит того, чтобы обратить на него внимание и прочесть его, хотя из любопытства, в сии дни поста и покаяния? Кто может сделать это и не сделает, тот накажет сам себя, ибо лишит душу свою пищи самой здоровой и сладкой. А тем, кои не могут иметь «Лестницы» Иоанновой сами, постараемся пособить мы, показуя ее по временам и предлагая для общего употребления с сего священного места. Аминь.

**Слово в неделю 5-ю Великого поста –
о подвигах прп. Марии Египетской**

Шестую уже седмицу поста начинаем, братие мои! Так течет время! Пост столь же мало может удержать быстроту его, как и празднества самые светлые. А иные из нас еще скучают продолжительностью времени и не знают, на что употребить его: до того может простираться в человеке забвение цели бытия своего! Кто помнит, для чего дана ему жизнь и что потребуется от него за гробом, тот никогда не будет тяготиться продолжительностью времени; тому каждый час дорог, ибо он знает, что должен действовать и трудиться для вечности. Узнает это и каждый; но когда? На ложе смертном; тут самый рассеянный чувствует, наконец, цену времени; видит, как кратка земная жизнь; желал бы продолжить ее; готов отдать за то все прочее. Но час смерти неотвратим – и несчастный миролюбец восхищается навсегда с того поприща, которое дается только единожды и, погубленное, никогда не возвратится. Можете представить, братие мои, что ожидает таковых людей в вечности! Для предупреждения сего-то несчастья святая церковь непрестанно оглашает слух наш всеми гласами пророков и апостолов, дабы пробудить нас от усыпления и бесчувствия душевного. Для сей-то цели и мы, братие мои, возвышаем нередко пред вами слабый голос свой. Может быть, – думаем мы, исходя пред вас со словом жизни и спасения, – может быть, в нынешнем собрании есть душа, которая услышит его в первый раз, и не только услышит, но и обратит его в дело своего спасения; может быть, какой-либо грешник, вняв из уст наших гласу

милосердия Божия, придет в чувство, остановится на пути к аду, и Господь отпустит нам за сие хотя некую часть собственных наших прегрешений. Ибо не напрасно сказано: «Обративый грешника от заблуждения его спасет душу от смерти и покрывает множество грехов» (Иак. 5, 20). Имея в виду сие, и вы, братие мои, не оставляйте содействовать нам не только вашим вниманием, но и вашими молитвами о нас; ибо, если мы, при нашей слабости духовной, можем чем-либо быть полезны для вас, то единственно верностью благодати Господней, избравшей нас в служение вашему спасению.

Настоящий день воскресный, как заметили мы в одном из прежних собеседований наших, посвящен Церковью, между прочим, ублажению памяти преподобной Марии Египетской. И подлинно, если когда воспоминание о сей дивной жене благовременно, то в настоящие дни поста и покаяния; ибо ничто так не может послужить и в поучение, и в утешение для грешников, как ее жизнь и подвиги. Известно, что наиболее смущает грешника в то время, когда он начинает приходить в раскаяние. Смущает, во-первых, мысль о тяжести своих грехопадений; во-вторых, чувство пагубной привычки ко греху и трудности сражаться с нею. Но вот грешница, каких самый грехолюбивый мир видит у себя немного и всегда сопровождает презрением, вдруг разрывает все узы греха, на ней лежавшие, начинает жизнь святую и подвижническую, удостаивается чрезвычайных даров благодати Божией и восходит путем покаяния на такую высоту духа, что становится подобною ангелам бесплотным. Кто после сего может отчаиваться в своем спасении?

Чтобы образ покаяния Мариина живет напечатлелся в нашей душе, для сего повторим, братие мои, кратко

всю жизнь преподобной, как она изложена для нас святым Софронием, Патриархом Иерусалимским.

Рожденная в Египте, Мария с юных лет имела несчастье впасть в бездну плотской нечистоты. Поводом к сему была ее особенная красота телесная – этот дар Божий, остаток райского благолепия природы нашей, но который теперь редко не обращается в первый повод к греху. Разврат начался с того, с чего наиболее начинается он в летах юных, – с неповиновения своим родителям, дошедшего до того, что скоро оставлен навсегда дом родительский. После сего нечего было уже ожидать от пятнадцатилетней девицы, кроме греха и соблазнов. И Мария, падая ниже и ниже по лестнице разврата, скоро явилась на самой последней ступени. Все, что страсти и диавол могут сделать из человека, все то было сделано из несчастной. И в таком ужасном состоянии проведено около семнадцати лет. Казалось, не было уже никакой надежды на исправление.

Но Тот, Кто оставляет девяносто девять овец и ищет одной заблудшей, Тот не оставил и теперь несчастную грешницу и премудростью Своей обратил ко спасению ее то самое, что казалось верхом погибели. Ловя все возможные случаи на удовлетворение своей страсти, Мария заметила, что один корабль, наполненный юными людьми, отправляется в Иерусалим для поклонения Кресту Христову. Диавол тотчас вложил в сердце мысль употребить сей случай для своей страсти; и вот злополучная плывет в Иерусалим, скверня море своими делами, как прежде сквернила землю. Ни взор на святой град, ни вид Голгофы и гроба Господня не могли оставить навыка ко греху; Мария и в Иерусалиме продолжает губить себя и других. Но это было уже последней жертвою аду.

Когда наступил день торжественного поклонения Кресту Христову, Мария вместе с другими пожелала войти в храм, но сколько ни приближалась к вратам его, каждый раз уносилась волнением толпы народной. Сначала это казалось делом случая и возбуждало только новые усилия протесниться вместе с другими в церковь. Но когда, с одной стороны, все усилия остались тщетными, а с другой, заметно стало, что этот неуспех преследует из всех только ее одну, то в Марии пробудилась, наконец, совесть; как молния проникла все существо ее мысль, что не люди, а перст Божий и грехи ее отрывают ее от святыни. В сокрушении сердца Мария подымлет очи горе и видит пред собою на стене церковной святую икону Богоматери. Это было для нее как бы явление с неба. «Мати Божия, – восклицает со слезами грешница, – я знаю всю мою нечистоту, ведаю, что за тяжкие грехи мои мне место не в храме, а в аде; но призри, Всеблагая, на мое покаяние и буди моею Ходатаицею и Споручницею пред Богом, Сыном Твоим... Отселе вся жизнь моя будет принадлежать Ему и Тебе!»

После сей молитвы Мария опять стремится ко вратам церковным и, несмотря на прежние, еще большие толпы народа, входит невозбранно во храм и совершает поклонение Кресту Христову. Видимая милость сия преисполняет душу ее новым умилением и благодарностью к Богу. Возвратившись ко вратам церковным, она паки повергается пред иконою Богоматери, снова произносит обет чистоты и покаяния; вторично избирает Ее Споручницею спасения – и, прирав свыше вразумление идти за Иордан в пустыню, оставляет навсегда мир и все человеческое.

Я говорю: «и все человеческое», ибо Мария, заключившись в пустыне Иорданской, не только попрала всю

прежнюю роскошь и изнеженность, не только отвергла удовлетворение самым необходимым потребностям плоти и крови, но вознеслась, можно сказать, над самую природою человеческого. Во все время ее пребывания в пустыне у нее не было ни крова, ни одежды, ни пищи. Трех малых хлебов, взятых ею из Иерусалима, стало ей — на сколько бы вы думали? — на шестнадцать лет! Потом пищею для нее служило не столько зелие пустынное, сколько молитва и благодать Божия. И среди таких подвигов проведено сорок семь лет! Можете представить себе, братие, чего стоила такая жизнь телу, привыкшему к неге и чувственности!

Послушаем, как сама преподобная повествовала о сем святому старцу Зосиме. «Рече же Зосима к преподобной: “Колико есть лет, о госпоже моя, отнележе водворилася еси в пустыни сей?” Она же отвеща: “Мню, яко сорок семь лет, отнележе изыдох от св. града”. Зосима же рече к ней: “Что обретаеши в пищу себе, госпоже моя?” Она же рече: “Полтретья убо хлеба принесох, прешедши Иордан, иже помале, изсохше, окаменеша, ихже помалу вкушаючи, многа лета пребых”. Зосима же рече: “Како же ли без воды пребыла еси толлика лет: никоея же ли беды приемлющи от внезапного ослабления?” Отвеща же она: “Речи мя ныне спросил еси, авво Зосимо, о ней же трепещу глаголати: аще бо воспомяну вся тья напасти, яже пострадах, и помышления лютая, колико сотвориша ми беды, боюся, да не теми же паки оскорблена буду. Веру ми ими, авво, шестнадцать лет сотворих в пустыни сей, яко со зверьми лютыми, с моими безумными похотьми борющийся. Егда бо начинах пищи вкушати, абие хотяшеся ми мяс и рыб, яже бяху во Египте, хотяшеся же ми и вина, любимого мною. Много бо вина пях, егда бех в мире; zde же не

имуще ни воды вкусити, люте жаждою палима бех и бездне терпях. Бываше же ми и желание любострастных песней, зело возмущающее мя и нудящее пети песни бесовские, ихже в мире навыкла бех. Абие же слезящи и с верою перси своя биющи, воспоминах обеты, яже бех сотворила, входящи в пустыню сию. Мыслию же идях ко иконе Пречистой Богородицы, Испоручницы моея, и у тоя плакахся, просящи отгнати помышления от мене, терзающие окаянную мою душу. Егда же довольно плакахся и в перси усердно биях, тогда свет видех, всюду осиявающ мя, и тишина велика в бури место бываше ми. Како же тебе, авво, исповем помышления моя, поревавшия мя на грех? Яко огонь во окаянем сердце моем разгорашеся и всю отвсюду мя опаляше, ко греху понуждая. Егда же таковое помышление приходяще ми, повергах мя на землю и слезы многи проливах, мнящи, яко сама Испоручница стоит и истязует мя, яко преступившу, и муку за преступление показующи. Не востаях же от земного повержения ночь и день, дондеже сладкий оный свет осияваше мя и помыслы смущающи мя отгоняше. Очи же мои к Испоручнице моей непрестанно возводях, просящи от Нее помощи, якоже и воистину Спомощницу Ту имех и в покаяниях Споспешницу. И тако скончах семнадцать лет, беды тьмами приемлющи. Оттоле же до днешняго дне помощница моя Богородица во всем и на вся руководствует мя”. Рече же Зосима к ней: “Не потребовала ли еси уже прочее пищи и одеяния?” Она же отвеща: “Хлебы убо оны скончавши, якоже рекох ти, в седминадесяти летех, питахся былием, сущим в пустыни сей. Риза же, юже имех, прешедши Иордан, от ветхости истле. Многу же беду от зимы и от зноя пострадах, солнцем горящи и мразом омерзающи и трясущися. Тем же

и многожды падши на земли, лежах аки бездушна и недвижима. Многожды же с различными напастями и бедами боряся. Оттоле убо и до днесь сила Божия многообразная грешную мою душу и тело унылое соблюде: помышляючи бо точию, от коликаго зла избави мя Господь, пищу неждеваемую стяжах — упование спасения моего. Питаюся бо и покрываюся глаголом Божиим, содержащим всяческая. Ибо не о хлебе едином жив будет человек. И, елицы не имяху покрова, в камение облекошася, елико их совлечеса греховнаго одеяния”. Слышав же Зосима, яко и словеса от Писания воспоминаемы, от Моисея же и Пророк и от книг псаломских, рече к ней: “Псалмом же и иным книгам, о, госпоже, училася ли еси?” Она же, слышавши сие, осклабися и рече к нему: “Веруй, человече, не видех инаго человека, отнеде же Иордан преидох, кроме твоего лица днесь, и ниже зверя, не инаго животного видех; книгам же никогда не учихся, ни инаго чтущаго или поющаго слышах, но слово Божие живо и действенно то учит разуму человека. Ныне убо заклинаю тя воплощением Слова Божия молитися за мя блудницу”».

После таких и столь долговременных подвигов не могло не последовать совершенного очищения души и тела, совершенного мира с Богом и совестью, совершенной победы над немощами природы человеческой, совершенного приближения к первобытному совершенству человека в состоянии невинности и содружеству с миром духовным и Божественным. И действительно, святой Зосима, коему предоставлена была Промыслом Божиим честь открыть преподобную подвижницу в пустыне и послужить ее погребению, застал ее уже не человеком, а ангелом. Мария облечена была еще плотью; но сия плоть походила более на дух, нежели на наше тело: она прехо-

дила немокренно Иордан, во время молитвы возносилась от земли на воздух, не могла вкушать почти ничего, кроме Тела и Крови Христовых. Для преподобной открыты были самые тайные движения сердца в Зосиме; она беседовала с ним из Святого Писания, из Псалмов и Пророчеств, никогда не читав Писания и вовсе не умея читать; знала все, что совершается в его монастыре; предрекла, что имеет совершиться в будущем. Самые звери пустынные благоговели пред лицом преподобным: в продолжении жизни ее не смели приближаться к ней, а по кончине вырыли для нее могилу и помогли немощному старцу предать ее святые мощи земле.

Судите теперь сами, братие мои, не благоприлично ли такая жизнь, как преподобной Марии, указывается Церковью всем грешникам среди настоящих дней поста и покаяния? Где яснее, как не в сей жизни, можно увидеть, что нет греха, побеждающего человеколюбие Божие; что нет бездны разврата, из коей, при помощи благодати Божией, нельзя было бы выйти путем веры и покаяния; что можно, и начав поздно, не только сравняться, но и упредить в совершенстве даже тех, кои работали в вертограде Господнем от первого часа?

«Если бы, – помыслит кто-либо из грешников, – и мне было такое звание свыше, как Марии!» А Марии, возлюбленный, какое было вначале особенное звание? Что она, за теснотою от народа, вместе с другими не могла войти в храм иерусалимский? Ах, сколь многие из нас не обратили бы на это ни малейшего внимания и спокойно, даже, может быть, с радостью, пошли бы домой? Совесть Марии сделала важным и решительным для нее это, если угодно так назвать, знамение. Будем внимательны к самим себе, и мы в своей жизни найдем немало подобного, может быть, еще более знаменательного;

ибо можно сказать утвердительно, что нет ни единого из грешников, который не имел бы в своей жизни таких случаев, где благодать Божия видимо призывала его к покаянию, но наше непрестанное рассеяние и ожесточение во грехе делают для нас все это бесплодным. Что бы ни среталось с нами подобного, у нас один суд: это случай! Как будто все самые так называемые случаи были не в деснице Господней! И как будто со стороны Спасителя нашего мог быть опущен без внимания какой-либо случай к спасению бедного грешника! Посему, когда бы и где бы ни пришла тебе мысль отстать от греха, бросить развратную жизнь, будь твердо уверен, что сия душеспасительная мысль прямо от Бога; ибо как бы иначе она и посетила твою мрачную душу, если бы не была послана свыше? Прими таковую мысль; последуй, куда она зовет тебя: оставь гибельный путь греха – и благодать Божия, являющаяся и неимущим ее, тем паче не замедлит явиться тебе, когда увидит, что ты начал искать своего спасения; озарит душу твою светом лица Своего; укажет путь, коим должно тебе следовать; подкрепит тебя в немощи, утешит в скорби, вознаградит за все земные лишения и рассеет для тебя на узком и тернистом пути к Царствию столько залогов совей любви, что ты, и страдая, будешь радоваться и не променяешь нового ужасного для миролюбцев состояния своего ни на какие блага в мире.

«Что же мне делать, вняв призыванию свыше, – спросит иная душа грешная: – неужели, подобно Марии, оставить все и идти в пустыню?» Сделать и это, если бы оказалось необходимым; ибо ты, конечно, отдал бы все для своего спасения, если бы у тебя разбойники отнимали жизнь телесную. А страсти, сии враги, злейшие всех разбойников, отнимают у тебя жизнь духовную, веч-

ную – и ты будешь рассчитывать, чем пожертвовать для ее спасения и что оставить? Так ли пекутся о своем спасении? Так ли ценишь ты свою душу, ежее недостойн весь мир? Но для большей части кающихся грешников нет необходимости оставлять совершенно мирское свое состояние. Вступив вдруг на столь высокую, крутую и скользкую лестницу, мы, по слабости стоп своих, не могли бы идти по ней безбедно. Посему, душа кающаяся, довольно будет для тебя на первый раз и той пустыни, которая откроется в самой тебе, коль скоро ты внесешь во внутренность твою свет слова Божия; довольно той пустыни, которую составит для тебя тот же мир, тебя окружающий и тебя ласкавший, коль скоро ты отвергнешься его внутренно. Путь Марии есть путь необыкновенный, почему она и достигла совершенства равноангельского. Для нас, грешная душа, довольно будет, если мы престанем походить ожесточением и нераскаянностью на злых духов, возвратим себе чистый образ человеческий, погубленный во грехах, и соделаемся достойными войти со временем, хотя последними, в то же блаженное Царствие Божие, где живут и блаженствуют души покаявшихся грешников. Аминь.

Слово в неделю Ваий

Для чего мы ныне берем в руки ветви, или, лучше сказать, приемлем их из рук Церкви? Очевидно, в память того, что с подобными ветвями в настоящий день был сретаем Господь и Спаситель наш при Его торжественном входе в Иерусалим. Но символы и обряды Церкви таковы, что они, приводя собою на память прошедшее, всегда содержат в себе поучение и урок для настоящего. Чему же поучают нас ветви нынешние?...

Они, можно сказать, чувственно изображают для нас высокие истины христианства.

Без солнца ветвь гола и как бы мертва, хотя в ней все есть, что явится летом. Есть, но не может обнаружиться вовне, ибо для этого потребна сила тепла. Так и с душою нашею. В ней, так как она есть образ Божий, есть способность ко всему доброму и святому. Но само по себе, в естественном состоянии человека, все это мертво и безжизненно. Потребен свет Христов, необходима теплота благодати Духа Божия. При их токмо действии, под их токмо осенением человек грешник оживает от грехов и страстей для новой жизни в Боге.

Но и свет Христов, и благодать Духа, хотя действуют на всех людей, но не во всех производят оживление духовное. Почему? Нынешнее явление сие изъясняют нам собою те же ветви. Солнце весеннее подействует на все древа земные, на все, что ни растет на лице земли; но не все оденется зеленью на деревьях, некоторые ветви останутся голы и мертвы. Почему? Потому что в них потеряна способность к принятию жизни от света и теплоты весенней. Таковы именно нераскаянные грешники. В них нет веры, нет покаяния, нет желания спасения. Посему для них недейственны ни свет Христов, ни теплота Духа Святого. Но ветвь иссохшая уже не может возратить себе жизни, этого не в состоянии сделать самый искусный садовник, а грешник, как бы ни был ожесточен во грехе, доколе живет на земле, может ожить. Ибо ветвь не имеет свободы, а человек имеет ее. Посему ветвь и нельзя винить за то, что она и среди весны останется голою и сухою. А человека всегда можно винить, ибо в его власти всегда престать быть сухою ветвью и начать зеленеть и цвести. Но сухие ветви, хотя они и невинны в своей сухости, собирают, однако же, чтобы не портили собою вида

дерев и садов, и они служат пищею для огня. Судите же, останется ли навсегда в вертограде Господнем грешник, если будет походить на ветвь сухую? Нет, и это хвастие будет собрано и повергнуто в огонь.

Вторая истина, изображенная нынешними ветвями, есть наше отношение к Спасителю нашему. Помните, с чем сравнивает Он это отношение? Ветви с деревом. Нас, последователей Его, именует ветвями, а Себя корнем и стволом, именует и присовокупляет, что, как ветвь не может быть плодоносною и даже иметь жизни, если не будет на стволе, так и мы, если не пребудем в Нем, то есть не пребудем в таком тесном, живом союзе, в каком бывает ветвь с деревом.

Учение – важное, от приведения коего в действие зависит наша жизнь духовная. И его, повторю, приводят нам на память наши ветви. Посмотрите на любую из них: как скоро она отделена от своего стебля, уже начала терять жизнь и скоро потеряет ее совершенно; ибо жизнь ветви не на стебле – смерть. Поставив в воду, вы можете продлить жизнь в ветви на некоторое время, но не заметите стебля. Вода может даже содействовать к тому, чтобы ветвь дала небольшие листья, но все это не прочно и должно кончиться смертью.¹

¹ Эта проповедь архиепископа Иннокентия не окончена в рукописи. *Ред.*

Слова на Страстную Седмицу

Слова в Великий понедельник

Об Иосифе Праведном, как прообразе Иисуса Христа

Пришла, наконец, и Великая Седмица! Открылось Божественное поприще страстей Христовых! Тут столько света для ума самого косного, столько огня для сердца самого хладного, что нам, служителям слова, можно бы уже умолкнуть и вместе с сим соделаться зрителями происходящего, слушателями глаголемого. Но, поелику сама Церковь не прекращает слова, то и нам нельзя оставить его. Будем отверзать уста, чтобы указывать вам, на что особенно каждый день обращать внимание. Это тем нужнее, особенно в первые дни, что, хотя Церковь и Евангелием дневным, и песнопениями сама напоминает каждый день о некоторых предметах, но они, — не знаю, почему, — не пришли доселе в общую народную известность.

Многие ли, например, знают, что ныне творится память Праведного Иосифа и смоковницы, пораженной проклятием? А воспоминание о сих предметах потому именно и усвоено настоящему дню, что в них содержится для нас премного поучительного. Итак, обратим теперь внимание на святого Иосифа, а среди литургии рассмотрим судьбу проклятой смоковницы.

Почему является в нынешний день святой Иосиф? Потому, что он был прообразом Спасителя нашего. Ибо надобно знать, братие мои, что Спаситель наш, кроме

того, что был предсказан пророками, был и прообразован и лицами, и вещами. Так, например, жертвоприношение Исаака Авраамом прообразовало жертвоприношение Голгофское. Пребывание три дня пророка Ионы во чреве китове прообразовало тридневное пребывание Спасителя во гробе. Вознесение Моисеем змия в пустыне на крест для исцеления образовало вознесение на крест Иисуса во спасение всех. Повелением печь на огне агнца пасхального целым, не сокрушая кости от него, прообразовало, что на кресте не будут перебиты голени у распятого Спасителя. Но из всех Ветхозаветных прообразований Божественных страстей Христовых нет полнее, как в Иосифе. Праведник сей прообразовал собою не одно какое-либо обстоятельство в страданиях Господа и не одну какую-либо сторону креста Его, а многие. Вообще в жизни его видимо отличаются два состояния: уничижения и прославления, и последнее вышло из первого так, что, если бы не было уничижения, то не было бы и славы. Так и в жизни Господа: сначала уничижение, страдания, смерть и погребение, а потом воскресение, вознесение и посаждение на престоле Отца; и все сие за то, что Он был послушлив даже до смерти крестной. В частности, что все черты в жизни Иосифа, имеют сходство с жизнью Господа, и особенно с Его страданиями. Так, Иосиф был любимейшим сыном отца – Спаситель есть возлюбленный Сын Отца Небесного. Иосиф послан был навестить братьев своих, бывших вне дома отеческого, но вместо любви сретен ненавистью, заключен в ров и продан чужестранцам – Спаситель послан также с неба посетить нас в земле странствия, пришел «к Своим», к братьям, к народу иудейскому, «и Свои Его не прияша», связали, яко злодея, и предали язычникам-римлянам. Иосиф пострадал в Египте невинно, и,

однако же, думали, что он виновен, — Иисус греха не сотворил, и, однако же, предавшие Его говорили: «Аще не бы был Сей злодей, не быхом предали Его». Из темницы, от крайнего унижения, Иосиф взшел на верх почестей, сделался спасителем Египта и посажен одесную царя — со креста и из гроба Иисус возшел на высоту, доставил спасение всему роду человеческому и посажен одесную Отца.

До такой подробности простирается сходство в судьбе Праведного Иосифа с судьбою Спасителя человекoв. Посему-то он ныне и воспоминается, дабы мы в самом начале поприща крестного привели себе на память, что все обстоятельства страданий Христовых не только были предсказаны словами у пророков, но и предызображены в жизни и деяниях праведников Ветхозаветных.

Что же из сего? — спросил кто-либо. То, чтобы ты не смотрел на страдания Христовы, как на нечто случайное, так, чтобы все в них зависело совершенно то от суда, то от Пилата. Нет, хотя действовали и люди, но все главным образом зависело от Бога. Люди, самые злобные, в сем случае — только то, чему судила — для блага всего мира — быть премудрость Божия. Посему-то Сам Спаситель скажет Пилату: «Не имаши власти ни единыя на Мене, аще не бы ти дано свыше».

Во-вторых, подивись и возблагодарей пред величием тайны, которая за тысячи лет была предсказуема и прообразуема. Так и должно быть по самому ее величию, что к ней, явно и тайно, все направлено было в Ветхом Завете: и весь закон нравственный, заставляющий неумолимою строгостью искать и ожидать Ходатая и Икупителя, и закон обрядовый, дававший во всех жертвоприношениях своих видеть то, что произойдет на Голгофе. А мне кажется, что не много будет, если ска-

жем, что и все в мире, самая неодушевленная природа своими законами и явлениями прознаменовала то же. Потому-то на Голгофе, в час смерти Господа, покажет участие свое вся тварь.

Самая жизнь и судьба Иосифа для нас весьма поучительны. Это – образец чистоты, невинности, терпения, потом смирения в счастии и великодушия к своим гонителям. Будучи продан от братьев, отведен в страну чуждую, находясь в рабстве, как бы не потерять духа? Но Иосиф не терял. Почему? Потому что твердо веровал в Бога отцев своих. Рабская доля не унизила ни его мыслей, ни его чувств, а, можно сказать, еще возвысила, по крайней мере показала и обнаружила во всей лепоте. Какое искушение для юноши – красота женщины! Эта женщина была притом госпожею Иосифа, от нее зависело усладить участь и преогорчить до последней крайности. Иосиф-раб не посмотрел ни на то, ни на другое. У него одно было – что и над господами так же, как и над рабами, равно есть Верховный Владыка, Коего, где дело идет о совести, одного должно слушать. «Како сотворю глагол сей злый и согрешу пред Богом?» Мысль о Боге, значит, всегда окружала его и охраняла от всего злого. Вот пример для вас, кои жребием рождения поставлены в состояние рабства! Возноситесь мыслию к Тому, Кто живет на небесах, будьте верны своей совести. Он, как Иосифу, не даст вам искуиться паче, неже можете понести.

Вот Иосиф в темнице! Чистота и невинность его скоро заблестали и в этой тьме. Будучи сам узником, он делается за свою беспорочность начальником и как бы смотрителем прочих узников. Чудесное толкование снов двум несчастным царедворцам, сопровождавшееся верным исполнением, приводит его в известность прави-

телю Египта, а изъяснение его собственных снов – не только выводит из темницы, но до того вводит в доверие и любовь фараона, что прежде бывший бедный узник становится первым по царе, приемлет власть над всею страной. Какой благоприятный случай отмстить своим гонителям, легионерному Пентефрию, бесстыдной жене его! Но Иосиф и не думает о сем. Их как будто не существует для него. Подобное и с братьями, кои так безжалостно поступили с ним, продав его измаильтянам! Не только ни единого наказания, даже ни единого упрека! Иосиф, напротив, утешает и ободряет их, говоря: «Вы совещае на мя злая, Бог же совеща о мне во благая». Так поступают рабы Божии! В несчастии они терпят и благодушествуют, в счастии смиряются и благотворят. Почему? Потому что уверены в Промысле Божиим, убеждены, что счастье и несчастье, хотя зависят и от людей, но посылаются и допускаются по распоряжению свыше. Это их утешает в несчастии, располагая и на него смотреть, как на дар Божий.

Но меня особенно трогают слова Иосифа, кои он говорит братьям, яко причину, почему они не должны его бояться: «Не бойтеся, Божий бо есмь аз». То есть как бы так говорил он: вам нет нужды опасаться меня, ибо я не свой, а Божий; у меня нет воли, кроме Божией; моя личность посему и моя обида для меня ничто. И точно, человека Божия нет причины бояться; страшны и опасны те, кои не Божии, кои водятся самолюбием. О, таковы, как бы они ни казались мягки и человеколюбивы, страшны! У них всегда могут вспыхнуть страсти, как огонь, и поглотить вас.

Еще также особенно трогательные слова, коими Иосиф признается своим братьям, не узнавшим его: «Аз есмь Иосиф, брат ваш!» Так некогда скажет и Господь

Своим гонителям, и голгофским, и всем, кои после распинали Его — иные своим вольнодумством, иные своими грехами; скажет, говорю, и Он всем не признававшим Его Божества: «Аз есмь Иосиф, брат ваш!»

Но, увы, сии слова, хотя они и скажутся с кротостью, произведут не то, что произвели слова Иосифовы в братьях его. Все таковые, подобно им, признают в Иисусе своего Спасителя, но спасение уже будет чуждо для них, ибо время милосердия прешло. Воззрят они «Нань, Егоже прободоша», но взор сей послужит только к стыду и муке. Тогда возопиют «горам: падите на ны, и холмам: покройте ны» от лица Сидящего на престоле. И горы не падут, и холмы не покроют.

Братие мои, если кто имел доселе несчастье предавать Иисуса, не узнавать Его Божественного лица, тот да кается в сем теперь, доколе на земле. Теперь все примется, все забудется, все простится; но после, изшед отсюда, пришед туда, напрасно будет самое обращение. Аминь.

О пути в чертог Господень

*Чертог Твой вижду, Спасе мой,
украшенный и одежды не имам, да
вниду в онь: просвети одеяние души
моея, Светодавче, и спаси мя!*

В одной из притчей Евангельских будущее Царствие Небесное изображено, братие мои, под видом вечери брачной, которую один могущественный царь устроил по случаю бракосочетания сына своего.

Сообразно важности случая, на эту вечерю приглашено все, что только было ближайшего к царю по своему

месту и званию; но, к крайнему удивлению всех, сии званые, эти близкие, имели безрассудство отказаться от вечера: один, как говорит Евангелие, пошел в это время «на село свое», другой – «на купли своя» (Мф. 22, 1–14). И презрители дома и чести царевой были немедленно наказаны со всей строгостью.

Между тем, чтобы приготовленная вечеря не осталась без гостей, царь велел слугам своим выйти на распутия и пригласить всех, кто только явится навстречу. Таким образом, дом царев немедленно наполнился гостями, и все они начали веселиться светло. Среди пира сам царь, по обычаю домовладык, вошел «видети возлежащих». Всеми остался он доволен, как и все им; один только гость принудил его собою, среди всеобщего довольства и веселия, обнаружить свой праведный гнев и даже показать пример строгости. Ибо – вообразите – вместо сколько-нибудь приличной и дню, и месту одежды этот безрассудный явился на вечерю в своем ежедневном платье, которое, видимо, отзывалось нечистотою его образа жизни.

Царь обратился, однако же, к нему с кротким вопросом: «Друже, како вшел еси семо, не имый одеяния брачна?» Но когда виновный не мог сказать в ответ ни одного слова, обнаруживая сим, что, идя к царю, он нимало не подумал о том, куда и зачем идет, то царь, в праведном гневѣ своем, повелел не только изгнать его вон из чертога, но и предать на заключение во тьму кромешную.

Этой царской вечерю, как мы сказали, изображено в Евангелии Царствие Небесное. Званные на вечерю, но вознебредшие зовом и не явившиеся, суть неразумные иудеи, кои за незаконное отвержение Иисуса Христа и апостолов Его лишились отечества и переданы с тех пор всемирному рассеянию.

Призванные потом на вечерю с распутий и халуг – это все мы бедные грешники, кои призваны в Церковь Христову с распутий идолопоклонства. Новая одежда брачная, в коей надлежало явиться на вечерю, – это одежда оправдания, снискиваемая раскаянием во грехах своих и верою в заслуги Христовы. Гость, оказавшийся неимущим одеяния брачна и, однако же, дерзнувший появиться вместе с другими на вечери, – это христианин лжеименный, который вместе с другими говорит: «Верую и исповедую; чаю жизни будущего века...» – а живет и действует, как неверный, и весь предан суетам века настоящего.

Таков, братие мои, разум притчи Евангельской о вечери и чертоге брачном, и таково отношение ее к делу нашего спасения! Сия же самая притча служит основанием и того умилительного песнопения, коим святая Церковь оглашает слух наш в продолжение настоящих дней. Христианин представляется здесь видящим пред собою тот пренебесный чертог, в коем учреждена Божественная вечеря для всех уневестивших себя Жениху душ и сердец: «Чертог Твой вижду, Спасе мой!..» Вид неизреченного блаженства привлекает его, и он хотел бы войти на вечерю и присоединиться к священному лику празднующих, но взор на себя самого останавливает его. Он помнит злополучную участь того, кто имел безрасудство явиться на вечери царской, «не имый одеяния брачна»; чувствует в то же время, что у него нет сего драгоценного одеяния, что одежда его, то есть дела и жизнь, мрачна, ветха и отвратительна: «... и одежды не имам, да вниду в оны...» После сего надлежало бы оставить желание быть на вечери; но как оставить, когда туда стремится все существо его?

И вот, скудный одеянием, но не верою и любовью,

он обращается с прошением к Тому, Кто силен восполнить все недостающее, Кто светом Своим может просветить всякую тьму, и молить Его оказать ему сию великую милость: «... просвети одеяние души моея, Светодавче, и спаси мя!»

Бывали ли мы с тобою, возлюбленный слушатель, в подобном состоянии души и сердца? Если не бывали, то святая песнь Церкви не по нас, и нам нужно размышлять еще не о чертоге царском и вечери брачной, а о плене вавилонском и тьме египетской, в коих находимся мы с тобою. Но есть люди, пред умственными очами коих выну чертог Жениха Небесного, которые, куда ни пойдут, что ни начнут делать, утром и вечером, днем и ночью, созерцают его пред собою: «Чертог Твой вижду, Спасе мой!» Такие люди употребляют все свои силы и средства к тому, чтобы очистить душу и сердце свое от всех скверн мирских и стяжать одеяние брачное; не упускают ни одного случая убелить душевные ризы свои, то в крови Агнчей – в заслугах дражайшего Искупителя, то в собственных слезах, текущих от сердца сокрушенного и духа смиренного, то в купели любви и милосердия к своим ближним; но никогда не почитают себя достигшими желанного совершенства. Ибо та же благодать Духа, которая открывает им красоту и величие благ небесных, уготованных любящим Господа, дает видеть им и всю нечистоту нашей падшей природы, все несовершенство самых благих дел наших, постоянно указывает им в сердце их новые и новые остатки зла и нечистоты греховной. Посему, как бы высоко ни стояли они, всегда бывают проникнуты чувством глубокого смирения, не стыдятся, подобно ап. Павлу, называть себя первыми из грешников и, не видя в себе самих возможности очистить себя, «якоже Он чист

есть» (1 Ин. 3, 3), наряду с последними грешниками вызывают из глубины души: «... просвети одеяние души моея, Светодавче, и спаси мя!»

Очевидно, братие мои, что большая часть из нас не имеет счастья принадлежать к сему, как Сам Спаситель называет его, малому числу избранных. Но, с другой стороны, ужели кто-либо из нас решится принадлежать явно к ужасной толпе людей отверженных? Нет, такого духовного бесчувствия и омертвления, такой ненависти к самим себе, такой любви и, так сказать, пристрастия к аду нет в самых ожесточенных грешниках. И в их душе слышится по временам голос совести; и их сердце посещается омерзением ко греху; и над ними действует иногда сила благодати, не оставляющей человека до самых последних минут бытия его на земле. Нет только решимости разорвать узы греха; недостает только спасительного принуждения своей злой воли и усилия возникнуть от сети диавольской.

Станем же, возлюбленный слушатель, станем со всеми узами и язвами нашими пред светоносным лицом всемилосердного Спасителя нашего; станем и воззовем к Нему из глубины души: «Буди милосерд, Владыко, и ко мне, бедному созданию Твоему! Как ни далеко заблудил я от прага дому Твоего, как мир и страсти ни заслепили очей сердца моего, как ни оземленел я всем существом моим, как ни глубока пропасть греха, в коей держит меня враг мой, — но и я, недостойный, поднимаемый силою благодати Твоей, не оставляющей самого последнего из грешников, озаряемый светом Евангелия, вразумляемый примером избранных рабов Твоих, возношусь иногда мыслию до той святой высоты, с коей все дальнее и земное кажется малым и ничтожным, а все небесное, святое, вечное видимо при-

ближается ко мне и как бы зовет к себе: “Чертог Твой вижду, Спасе мой!” О, как в нем все чисто и свято, как все светло и радостно! Лучше, воистину лучше, примечаться у прага сего чертога, нежели восседать и царствовать в селениях грешничих: “чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный!” Вижду и то, что, несмотря на всю мою нечистоту и недостойнство, и для меня есть место в сем чертоге, что и мое бедное имя не забыто Тобою, а вписано в число искупленных у предназначенных к блаженству во царствии Твоем».

«Все давно зовет меня к Тебе; и я готов идти на Божественную вечерю Твою; но как явиться пред светлое лицо Твое с моею тьмою и наготою, с моими рубищами и язвами греховными? Была у меня одежда невинности в Эдеме, украшал меня там самый драгоценный образ Твой; но явился лукавый змий, похитил у меня сию одежду, и оттоле “лежу наг и стыждуся”. Было у меня потом и другое царское облачение от Тебя – бесценная одежда заслуг Сына Твоего, в которую облекла меня при крещении святая церковь; но пришли с летамы нечистые помыслы, злые пожелания и страсти, совлекли с меня нешвенный хитон оправдания благодатного; оттоле “лежу наг и стыждуся”. Омывался и после я не раз в таинственной купели покаяния; убеялся паче снега причащением святых и животворящих Таин; но вскоре паки, безумный, возвращался к блату мирских забав и утех, погружался еще глубже в тину невоздержания и сладострастия. Что мне теперь делать? Куда обратиться? Кто снимет мрак и язвы с моей совести? Кто покроет наготу души моей? Напрасно обратился бы я за сим к тварям, меня окружающим: они сами воздыхают от ужасной работы истлению, коей покорило их преступление Адамово; сами ожидают от меня ос-

вобождения из плена. Вотще молил бы я о сем самых небожителей и ангелов: у них много света и любви, но их одежда не по мне, ибо я землян и смертен. Куда ни посмотрю, явно вижу, что не к кому прибегнуть мне, кроме Тебя же, о всемилосердый Владыко и Судие мой, Тебя, Который умер за нас, еще грешников сущих, Который доселе долготерпеливо ожидаешь обращения моего. Твой, Господи, чертог: Твоя да будет и одежда! “Просвети, Светодавче, одеяние души моей!” Просвети!.. Я не молю тебя о свете Фаворском. Пусть остается он уделом и наградой присных и друзей Твоих! Озари меня хотя светом Синайским, да вижду ясно путь заповедей Твоих и, проникнутый страхом Твоего всемогущества, начну ходить непреткновенно в оправданиях Твоих! Не скрой от меня света голгофского, да узрю силу и необходимость для спасения людей животворящего креста Твоего и займу от него мужество и святую решимость умерщвлять плоть мою с ее страстями и похотями! Осени меня сиянием света Сионского, да, облеченный силою свыше, благодатию Духа-Утешителя, не уstraшусь борьбы с соблазнами мира и со злыми моими навыками!

Да посетит, наконец, о, Всеблагий, мрачную душу мою хотя единый луч света с Елеона, да не опущу из вида той блаженной стези, по которой взошел Ты ко Отцу Твоему на небо и коею должно востекать к Тебе всем желающим обрестись на Божественной вечери в богосветлом чертоге Твоем!» Аминь.

Слово в Великий вторник

О Небесном Женихе

Се Жених грядет в полунощи, и блажен раб, егоже обрящет бдяща; недостойн же паки, егоже обрящет унывающая. Блюди убо, душе моя, не сном отяготися, да не смерти предана будеши и Царствия вне затворишися; но воспрями, зовущи: свят, свят, свят еси, Боже, Богородицею помилуй нас!

Кто сей таинственный Жених, грядущий в полуночи? К кому грядет Он, и что означает сия полночь? И опять, кто сей раб, выну бдящий и потому блаженный, и кого разуместь под рабом унывающим, а потому недостойным сретить Жениха?

Быть не может, братие мои, чтобы сии вопросы не были уже многими из вас предложены самим себе и решены по указанию Евангелия и сообразно потребностям души и сердца, так что когда святая Церковь возглашает: «Се Жених грядет!» – они знают уже, Кого при сем ожидать и что требуется от каждого из нас для Его сретения. Но «не во всех», как говорит апостол, «разум» (1 Кор. 8, 7). Есть люди, кои и среди полудня имеют нужду в вожатае, одни по слабости зрения, другие по незнанию пути, хотя он и недалек от них, а иные и по нежеланию идти. Посему не будет излишне, если и мы, по приличию настоящего дня, размыслим вслух всех о пришествии Жениха, дабы и не размышлявший о сем доселе мог ясно увидеть, кто

он: раб бдящий, и посему блаженный, или унывающий и недостойный, и потому – отвергаемый?

Итак, скажем, что Жених дивный, грядущий в полночи, есть дражайший Спаситель наш Господь Иисус Христос. Между многими знаменательными названиями, кои усвоятся Ему в слове Божием, Он носит имя и нашего Жениха; потому что душа наша обручена Ему, как невеста жениху, на всегдашнее и совершенное соединение с Ним верой, любовью и блаженством. «Обручих бо вас, – пишет апостол Павел Коринфянам, – обручих вас единому мужу деу чисту представить Христови» (2 Кор. 11, 2). Это святое обручение, со стороны Божественного Жениха нашего, произошло на кресте, где Он из любви к нам, для искупления душ наших от грехов и проклятия и для усвоения нас Себе на всю вечность, претерпел смерть и пролил всю Кровь Свою. А с нашей стороны это драгоценное обручение, по Его же непосредственному распоряжению, совершается в Таинстве Крещения, где, отрекшись мира, плоти и диавола, мы, яко невеста жениху, сочетаваемся Христу и Богу нашему. Со времени сего обручения мы уже, как выражается апостол Павел, «не свои», а принадлежим – душою и телом – Искупителю и Господу нашему.

Как между нами, людьми, бывает, что за обручением не вдруг следует брак и обрученные разлучаются друг от друга на некоторое время до брака, так то же самое произошло и в нашем обручении со Христом. Брак, по многим и важным причинам, отложен, и Самый Жених для нашего же блага должен был удалиться от нас. Это последовало, как известно, в сорок четвертый день по воскресении Его, когда Он вознесся с Елеона на небо. Много знаков любви оставлено Им при нас в залог нашего союза с Ним: с нами святое слово Его, с нами Животворящий Крест Его, с нами пречистое Тело и Кровь

Его, с нами Церковь, наперсница советов Его и наша невестоводительница, с нами Таинства Церкви и сама благодать Духа Пресвятого; но Сам Он, Жених душ наших, с тех пор невидим и пребудет таковым до конца нашей разлуки с Ним, то есть до последнего дня мира, когда Он паки явится во славе для совершения всемирного торжества брачного.

Долго ли продлится эта разлука, сие замедление таинственного брака Агнца? О сем ведает только Сам Жених душ и сердец. Когда придет Он, в какой год и день, в какую пору и час? Опять тайна для всех. «О дне и часе том, — сказал Сам Он, — никтоже весть, ни ангели небесний» (*Мф. 24, 36*). И вот сия-то глубокая неизвестность составляет ту таинственную полночь, в которую, как говорится в рассматриваемом нами песнопении, Жених придет; ибо полночь у нас есть такое время, когда прекращаются не только все дела, но и все ожидания, и люди, ничего больше не ожидая, предаются сну.

Поелику, таким образом, время пришествия небесного Жениха неизвестно, а, с другой стороны, нигде не сказано, чтобы это пришествие последовало не иначе, как спустя весьма долгое время, то явно, что оно может последовать всегда, во всякий день и час; а посему тем, кои обручены небесному Жениху, то есть всем нам, должно быть всегда готовыми к сретению Жениха, ожидать Его выну, не отлучаться, так сказать, никуда вдаль, не заниматься ничем таким, что бы могло помешать явиться вовремя к Его приходу. Так именно заповедал нам Сам Жених пред Своею разлукою с нами: «Бдите убо, — говорил Он, — яко не веете дне ни часа, в оньже Сын Человеческий придет» (*Мф. 25, 13*).

Те, кои верны своему обручению и обету, кои истинно возлюбили Жениха душ, те так всегда и ныне поступают. Они выну на страже; первое и последнее ожи-

дание их в жизни есть чаяние пришествия Жениха. Услышать глас: «Се Жених грядет!» – было бы верхом их земного блаженства. Чтобы сделать себя способнее к ожиданию и сретению Его, многие из них вовсе оставляли для сего мир и все, что в мире; отрекались навсегда от самых невинных удовольствий и связей земных, дабы, по слабости природы, занявшись слишком чем-либо житейским, не охладить любви в душе к Жениху, не раздвоить внимания и усердия, не отяжелеть духом и не предаться сну чувственности. Другие, не оставляя мира, участвуя во всех его движениях и делах, и живут, однако же, так, как бы они были не в мире; не прилепляют ни к чему сердца своего; все житейские дела и отношения свои подчиняют одному началу – любви к Иисусу; и где бы ни были, чем бы ни занимались, всегда готовы оставить с радостью все дела и все приобретения земные по первому гласу о пришествии Жениха. Все таковые, и вне мира, и в мире живущие, очевидно, суть рабы бдящие. Жених видит их усердие, уготовляет для каждого из них венец славы, и они блаженны воистину, как бы ни была низка и горька участь их на земле, ибо все здешние лишения и страдания, коим они могут подвергаться, временны и скоропреходящи, а в будущем их ожидает за сие такое блаженство, коего око не виде, ухо не слыша и которое не восходило на самое сердце человеческое.

Но есть из обрученных небесному Жениху и такие, кои совершенно забыли о своих обетах, не помнят даже того, что у них есть Жених, что прихода Его надобно ожидать выну и что худо, крайне худо, будет тому, кто во время пришествия Его обрящется спящим. Много ли таковых людей между христианами? Так много, что слово Божие называет их потому – всеми: «Коснящу же Жениху, – говорится, – возремашася вся и спяху» (*Мф. 25, 5*).

И подлинно, братие мои, много ли можете вы указать таких христиан, о коих с уверенностью можно бы сказать: се раб, бдящий в самой полунощи! Будущее пришествие Господа и Спасителя нашего соделалось таким предметом, о коем никто и не говорит; а если бы кто и заговорил где-либо, то показался бы человеком странным, занимающимся такими вещами, кои не заслуживают внимания людей так называемых деловых и образованных. Между тем будущее пришествие Господа есть событие, чрезвычайно важное для каждого; от коего вполне зависит вечная судьба наша; с коим должны прийти к нам или все блага, или все бедствия. И все это не может возбудить в нас внимания, и все это – как дело, нам вовсе чужое! Напрасно Евангелие говорит с силою: «Бдите, яко не весте дне ни часа, в оньже Сын Человеческий приидет!» Напрасно святая Церковь восклицает: «Се Жених грядет в полунощи!» Мы слышим и не внимаем; слышим и вместо того, чтобы готовиться к сретению Жениха, беспечно предаемся суетам мирским, как бы нам оставаться на земле вечно. Сколько найдется христиан, оканчивающих уже жизнь свою, кои даже не ведают, что у души их есть Жених и что они могут даже дожить до Его пришествия!.. Что виною такой непростительной холодности к небесному Жениху душ и сердец? Виною наше безмерное пристрастие к благам земным, наше погружение в чувственность. Сердце наше разделено на столько предметов, что в нем нет уже места для Возлюбленного. Все отдано миру и плоти! Все в плену у похотей и страстей!

Напрасно, совершенно напрасно, в извинение беспечности нашей стали бы мы ссылаться на медленность в пришествии Жениха; ибо эта медленность только с одной стороны, а с другой – необыкновенная скорость.

Все равно — Он ли к нам придет, или мы к Нему пойдем. Он медлит приходом и, может быть, еще отложит его на тысячи лет, а мы эти тысячи лет разве будем оставаться здесь и ждать Его? Нет, ныне, завтра явится ангел смерти и воззовет нас к Жениху. Как же после сего спать беспечно и не ожидать зова и исхода, нам предстоящего? Тем паче, когда он видимо недалек от каждого и в то же время совершенно неизвестен? Ибо о дне и часе, в который мы окончим жизнь свою, также никтоже не весть: это — наша собственная полночь! Но, увы, и о ней должно сказать то же, что сказано о полунощи, в нюже Жених придет: «Воздремашася вся и спаху!» Приготовление к смерти, — это дело столь важное, что ему надлежало бы занимать нас во всю нашу жизнь, — не почитается даже делом. Занимающиеся им, как должно, составляют исключение, и притом весьма редкое. Все прочие живут так, как бы им жить здесь вечно. Самые болезни, нас посещающие, эти видимые предтечи и вестники смерти, не в силах заставить нас подумать о ней. Увы, сколько ни видели мы умирающих, никогда почти не видали таких, кои предварительно были бы уверены, что им должно, наконец, расстаться с жизнью. Многие, напротив, за несколько часов и минут до смерти все еще предавались мыслям о земном, думали жить, не оставляли помыслов о таких делах и о предприятиях, для коих потребна крепость сил и жизнь продолжительная. Так умирают юные; так нередко умирают самые старцы. Можете судить по сему, в каком виде сии несчастные души являются пред своего небесного Жениха и что постигает их на вечери брачной!..

При таком ужасном примере беспечности, среди сего жестокого вихря суеты и страстей, заслепляющего прахом глаза у самых лучших, по-видимому, людей, не

должно ли, братие мои, каждому, кто только хотя мало дорожит собственным спасением, прийти в страх, обратиться к самому себе и сказать словами священной песни: «Блюди убо, душе моя, и ты, не сном отяготися, да не смерти предана будеши!» Блюди – не увлекайся никаким примером, не следуй никакой стези, которая кажется покрытою цветами, а ведет в пропасть адскую. Блюди – стой на страже, доколе не сменят, храни веру и упование, доколе не явится само упование. Жених невидим; но Он всегда близ тебя, видит все твои мысли и желания и считает все труды и жертвы, и готовит венец за все. Еще несколько лет, может быть, недель, дней терпения – и завеса падет, мир и все, что в нем, исчезнет из глаз; явится чертог небесный, и ты введена будешь на брак Агнчий! Аминь.

Слово в Великую среду

Об Иуде Предателе

Ныне день предания Господа, день мрачный и печальный, почему святая Церковь и ознаменовала его, наравне с днем смерти Господа, печатью поста в продолжение всего года. Кто любит Спасителя своего, тот не будет нарушать сей печати, тот со всею верностью хранит знамение скорби по Возлюбленном. Ибо, хотя предание, равно как и смерть Господа, послужило – своими последствиями – ко спасению всего мира, но тем не менее это действие – самое черное и отвратительное. Мне даже представляется оно преступнее самого распятия. Ибо распинатели Господа не знали Его, как должно: «Аще бо быша разумели, не быша Господа славы распяли» (1 Кор. 2, 8). А здесь кто предает? Собственный уче-

ник, один от двенадцати, то есть ближайший, – предает тот, кто слышал все беседы Господа, был свидетелем Его жизни и чудес, разделял с Ним в продолжение более трех лет и радости, и печали.

После всего этого предание так неожиданно в предателе, что сама Церковь в недоумении будет завтра вопрошать: «Кий ты образ, Иудо, предателя Спасу содела? Еда от лика апостольскаго ты отлучи? Еда дарования исцелений лиши? Еда, иных ноги умыв, твои же презре? Еда от трапезы ты отрину? О, коликих благ не памятливы был еси!» (*Великая пятница. Утро. Седален гл. 7*).

Все было сделано для Иуды, и все им презрено! Что он не имел никакой причины сетовать и жаловаться на Учителя, показывают собственные слова и ужасный конец его: «Согреших, – говорит он самим убийцам Учителя, – согреших, предав кровь неповинную» (*Мф. 27, 4*)!

Что же ввело тебя, несчастный, в сей ужасный грех? Сребролюбие и диавол, – отвечают евангелисты. Нося ковчежец с деньгами, Искарriot пристрастился к носимому и оказался татем. После сего святое общество Иисусово, в коем господствовал дух произвольной нищеты и самоотвержения, сделалось для него чуждым, тяжелым, противным душе, зараженной страстию. Иуде везде и во всем мечталась корысть и сребренники. Диавол не замедлил воспользоваться сею несчастною расположенностью сердца и, основав в душе Иуды жилище себе, заставил его смотреть на все происшедшее не очами веры и любви, как смотрели прочие апостолы, а своекорыстным глазом мытаря и фарисея. Так смотрел Иуда на мир, которое Мария возливала на ноги Иисусовы, и, притворившись другом нищих, жалел, что оно не продано и деньги не отданы в распоряжение его лукавству. Так, без сомнения, смотрел Иуда

и на все прочее. «Что, — думал он, — мы ходим из края в край — Иудеи, как нищие? Почему бы не воспользоваться усердием народа, не взять в свои руки власть, которая видимо дается сама собою? Ведь Мессия должен, наконец же, господствовать над всеми и всем. Ужели ждать, чтобы нас всех захватили, как преступников, и подвергли казни? Пожалуй, за этим не станет. Но пусть дожидаются сего другие. Искарriot не так прост и недальновиден. Он возмет свои меры заранее». «Что же ты медлишь? — шептал во уши диавол. — Теперь самый благоприятный случай отстать от общества Иисусова. Видишь, как синедрион ищет случая взять Учителя тайно. Ты сам можешь сделать это неявно, так что Учитель даже не сочтет тебя предателем. Ибо что требуется для сего? Только указать место пребывания Учителя ночью. Кроме того, что тебе заплатят за эту важную услугу, ты войдешь чрез это в связь с первыми лицами синедриона. И Ему будет не большая беда от сего: ты сам видел, как Он не раз спасался чудесно от всех козней и сетей Своих врагов; спасется и теперь, а ты делаешь свое дело и сставишь себе счастье, — пользуйся случаем и спеши!»

И несчастный ученик точно спешит — на свою погибель. Под предлогом покупок, нужных к празднику, он находит случай тайно побывать у первосвященников и сговориться с ними о предательстве. Желание не представлять из себя никакого продавца, торгующегося за кровь, и показать мнимое усердие к пользам синедриона заставляет его согласиться на самую невеликую цену, в надежде со временем большей и лучшей награды. Для сего же он явится в самом вертограде Гефсиманском, с видом не предателя, а человека, возвращающегося из посылки, который потому позволяет себе

дружелюбно приветствовать Учителя и даже облобызать Его, между тем как это именно лобзание было знаком для явившейся затем, как бы без всякого согласия с Иудею, сперы иудейской. Посему-то до самого конца никто из учеников не мог знать, кто предатель.

Один Учитель видел и ведал все; ведал и употреблял все меры спасти – не Себя, а ученика несчастного. Сколько трогательных вразумлений на одной последней вечери! Омовение ног, преподание Тела и Крови могли тронуть духа отверженного, но не тронули Иуду! Страсть сребролюбия заглушила все!

Но заглушила на время. Когда замысел совершился, когда Учитель вместо того, чтобы чудесно спастись от врагов, предал Себя им, яко овча на заклание, – Иуда пробудился, вспомнил о всем, что видел доброго, святого, Божественного в Иисусе, и обратился к раскаянию. Сребренники поврежены, невинность Учителя исповедана всенародно; оставалось только, подобно Петру, омыть грех слезами и обратиться к тому же Учителю и Господу с верою. Но диавол внушил теперь другое: как прежде соблазнял бесстрашием, так теперь представлял неотпускаемость вины и греха. И вот Иуда на древе погибельном! Тогда-то, не прежде, во всей силе постигли его грозные слова: «Добрее было бы ему, аще не бы родился человек той!» (Мк. 14, 21).

Видите, до чего довела страсть сребролюбия человека самого нехудого! Ибо, если бы Иуда не обещал из себя много доброго, то не был бы избран в апостолы.

Будем же, братие, блюстись сего недуга, равно как и прочих страстей; ибо все они равно опасны и, рано или поздно, оканчиваются и душевною, и телесною гибелью для человека. Но падший да не унывает и да не приходит к отчаянию! У небесного Врача нет неисцель-

но больных. Доколе живем, дотолé можем спастися, как бы ни были велики грехи наши. Если бы сам Иуда вместо погибельного древа поспешил к древу креста Христова с верою и покаянием, то вместе с кающимся разбойником вошел бы в рай без всяких сребреников. Так рассуждают о сем и учат все богомудрые отцы Церкви. Аминь.

Слово в Великий четверток

О трапезе Тела и Крови Господних

Странствия Владычня и бессмертныя трапезы, на горнем месте, высокими умы, вернии, приидите насладимся.

Наконец, и у святой Церкви трапеза и пир духовный! Долго продолжалось и говение, и пост; зато и брашно, и питание необыкновенное. Ибо трапезы и вечера мирские насыщают и услаждают на время, а потом нередко тяготят собою и всегда уступают место новому гладу — здесь, кто вкусит достойне: «бессмертныя трапезы», не взалчет во веки. Человеколюбив бо наш Владыка! Не потерпел зреть рабов Своих гладных; знает, что дух бодр, а плоть немощна, и вот — под конец поприща постного Сам уготовляет трапезу. «Странствия Владычня и бессмертныя трапезы». Кроме успокоения и ободрения для алчущих, вечера сия послужит прощанием для ее Устроителя. Ибо Ему надобно оставить всех и идти в долгий путь, надобно разлучаться не на краткое время. Как не разделить последних минут с друзьями и присными? Как не оставить им в память о Себе чего-либо? Тем паче как нам не

поспешить на такую трапезу? «Приидите убо насладимся!» Войдем все на сию вечерю; ибо, хотя сказано «высокими умы», но это сказано по необходимости, потому что предлагаемое на вечери высоко по самому существу своему, так что, кто лежит долу, тот не может достать устами предлагаемого. А впрочем, нет никаких особенных условий. Сказано только «вернии». Но без веры что же и ходить туда, где без веры нельзя сделать ни шага? И трудно ли иметь веру там, где распоряжается всем Сам Владыка и Господь всяческих и где потому действует всемогущество? Оставив убо всякий страх и недоумение, взойдем на горнее место и, кто может, «насладимся»; кто еще неспособен к тому, по крайней мере, посмотрим, что там предлагается, кто и как приемлет, и что следует из предлагаемого и принятого.

«Вечеру же бывшу, возлежаше со обеманадесяте ученикома» (*Мф. 26, 20*).

Так святой Матфей начинает описание трапезы Господней. Известно, по какому случаю была она: надлежало, по закону, в нынешний день вкушать агнца пасхального в память исшествия израильтян из Египта. Таким образом, трапезу эту приготовил, можно сказать, еще Моисей своим законом о пасхе; но Господь даст ей другое и значение, и назначение, из смертной соделает бессмертною. Каким образом? Увидим.

А теперь обратим внимание на то, кто сидит на вечери. «Возлежаше со обеманадесяте». Значит, тут сидел — за всех нас — и наш апостол святой Андрей Первозванный, коему страна наша одолжена первую проповедь о Христе. В лице его и мы все как бы возлежали на бессмертной трапезе Господней.

Но, если «возлежаше со обеманадесяте», значит, был и Иуда. Как он мог быть допущен до трапезы? Так

же, как и доселе допускаются к ней все нераскаянные грешники, в показание преизбытка милосердия и великодушия Домовладыки и в доказательство, что, доколе мы на земли, всякому возможен доступ ко всему. На вечери небесной – там уже будут впущены одни мудрые девы; а здесь – не затворяют двери ни от кого из самых юродивых.

Предатель приемлет то же, что и прочие апостолы, но принятое произведет в нем противное действие, подобно тому, как один и тот же свет солнечный для здравого зрения – свет и отрада, для больного – еще больший мрак и мучение.

Что же не начинается вечера? Оттого, что после долгого пути надобно омыть ноги пришедшим на вечерю. Что же мешает сделать это? То, что нет прислужника. Оставалось самим сделать это; но кому? Меньшему. А меньший? Будущие орлы богословия еще были птенцами; вместо смирения, которое они явят потом пред лицом всего мира, теперь началась пря: кто больший?.. За этим спором, пожалуй, остановится все дело. Нет, не остановится. Домовладыка восполнит Сам, чего не достает домочадцам.

«Востав от вечери, и положи ризы, и прием лентион, препоясая. Потом вляя воду во умывальницу и начат умывати ноги учеником и отирати лентием, имже бе препоясан» (*Ин. 13, 4, 5*). Все повинуются, один Петр прекословит: «Не умыеши ногу моею во веки!» Напрасно! Прежде взяться бы за лентион и омыть ноги Учителю и соученикам. Тогда услышал бы паки: «Блажен еси, Симоне, яко плоть и кровь не яви тебе, но Отец, Иже на небесех». А теперь, хотя похвальное чувство выражается в словах твоих, но от той же плоти и крови, возвышенных, но все еще не могущих наследовать Царствия

Божия. Посему и скажется не прежнее, а другое: «Аще не умью тебе, не имаши части со Мною!»

Теперь нет более преград. Да начнется пир, да явится веселие!

И оно началось. Агнец снесен, горькое зелие вкушено, опресноки потреблены, чаша благодарения испита, – Ветхий Завет исполнен.

Но все это смертное, тысячу раз вкушаемое и ни разу не насыщавшее духа. Где же бессмертная трапеза? Где страннолюбие Владычне?

Не скучайте и не опасайтесь! Кто наплатил пять тысяч пятью хлебами, Тот наплатит и нас. Если и неприглашенных приемлет, кольми паче не отпустятся тщи приглашенные: «вернии, приидите насладимся».

«Ядущим же им (ученикам), приим Иисус хлеб, благословив, преломи и даяше учеником и рече: “Приимите, ядите. Сие есть Тело Мое!” И, прием чашу и хвалу воздав, даде им, глаголя: “Пийте от нея вси, сия бо есть Кровь Моя Новаго завета, яже за многия изливаема во оставление грехов”» (Мф. 16, 26–28).

Итак, вот чем будут угощать нас: не хлебом, а Телом, не вином, а Кровию! «Сие есть Тело; сия есть Кровь!».. И чьим Телом и Кровью? Спасителя нашего! «Тело Мое, Кровь Моя»...

Кто бы мог приложить веру сему, если бы не вещал о сем Он же Сам, если бы не повторили того же от лица Его апостолы.

Но как же нам употребить эту снедь?

Так любит нас Владыка! Видя, что все трапезы оканчиваются во истление и не делают нас бессмертными, Он уставляет брашно и питье нетленные. Их можно было составить только из плоти и крови, кои одни во всем мире не подлежали разрушению, а, напротив, име-

ли силу оживлять, и Он не пожалел ни Своего Тела, ни Своей Крови, — а предложил их на вечери, предложил не ученикам токмо Своим, а в лице их всем народам.

За нас первый принял святой Андрей, но принял с тем, чтобы передать верно каждому из нас. И кому он не передает верно? Приступай всяк; на каждой трапезе церковной то же Тело и та же Кровь, коих причащались ныне апостолы.

Но как приступить к сей трапезе? Как вкусить Тело? Как пить Кровь? Это — не по природе нашей. Ведал сие все Учредитель и позаботился о нашей слабости.

Вкушаемое есть Тело, но вид у него тот же, хлеба; пиемое — Кровь, но образ и вкус его тот же — вина. Таким образом, снисходится к нашей природе, что вместо единого чуда каждый раз делается два: и хлеб, и вино обращаются в Тело и Кровь и, обращенные, удерживают свой прежний вид, дабы, таким образом, было с нашей стороны место и вере.

Подлинно, не низкий ум надобно иметь, дабы насладиться сей трапезы. Надобно сим умом возлестить на высоту любви Спасителя к нам, полагающего за нас душу Свою.

Но этот высокий ум — на сей случай — дает не ученость, а вера: «Аще не веруете, не имате разуме-ти» (Ис. 7, 9).

Итак, будем веровать, приступая к трапезе Тела и Крови, не будем поникать умом долу, вопрошая: «Како может дати плоть Свою ясти?» (Ин. 6, 52) или, подобно еретикам, недоумевая, как под видом хлеба и вина может сокрываться Тело и Кровь?

От человек это невозможно, а от нашего Спасителя, Который есть Бог и человек, все возможно. Напротив, недостойно Его было преподать один хлеб и одно

вино, ибо это может сто раз сделать каждый из людей. Ему, яко Богу, предлежало сделать большее; и Он соделал самое большее; ибо никтоже больше любви имать, да аще кто душу положит за други своя. Аминь.

Слово в Великий пяток

О благоговейном молчании у гроба Господня

*Да молчит всякая плоть человека
и да стоит со страхом и трепетом
и ничтоже земное в себе да помыш-
ляет! Царь бо царствующих и Гос-
подь господствующих приходит зак-
латися и датися в снедь верным.*

Вот поучение Церкви на все настоящие дни! «События, ныне воспоминаемые, – как бы так говорит она, – выше слова человеческого; самый ум не может вместить их: итак, оставим всякое разглагольствие, удалим все земные помыслы, будем стоять в безмолвии со страхом и трепетом духовным; будем смотреть, внимать и поучаться».

Повинуясь сему гласу Церкви, и я, братие, не отверз бы слабых уст своих, если бы не видел нужды и не имел целью привести и вас, и себя ближе к сему вожделенному безмолвию духа и тела, коего требует Церковь. О, как оно нужно здесь! Как нужно, чтобы мы, окружая гроб нашего Спасителя, заставили умолкнуть в себе все плотское, возвысили ум и сердце над всем земным! Царь царствующих и Господь господствующих приходит заклаться: мы ли будем рассеянными зрителями сего заклания? Закланый, Он хочет дать Себя в снедь верным: тут ли место воплям плоти и крови? О, да исчезнет те-

перь из ума нашего все земное, и да останется один Иисус с крестом Своим! Разве мало Его для нашего ума? Разве не довольно Его для нашего сердца? Каких чудес, каких тайн не сокрыто в сих язвах! Смотри! Видишь ли, как Бог есть правда непреложная, для которой грех нестерпим до того, что она поражает даже Единородного Сына, понесшего на Себе грехи наши? Видишь ли, как Бог есть премудрость непостижимая, кои пути столько же отстоят от путей наших, как небо от земли? Кто мог ожидать спасения миру со креста? Кто мог думать, что Живот Вечный будет заключен в гробе? Видишь ли, далее, как Бог есть любовь совершенная, «николиже отпадающая» (1 Кор. 13, 8), преследующая любимых ею до глубины самого ада и соделывающаяся за них жертвою? Видишь ли, наконец, как все свойства в Боге суть едино: любовь есть та же правда – милующая, и правда есть та же любовь – очищающая и врачующая?

Это ты можешь видеть сквозь сии язвы, зря горе, к Богу; посмотри сквозь них же долу, на мир, – и тебе откроются тайны бытия мира и человека. Тут изъяснение всего прошедшего. Ибо из чего сделан крест? Из древа познания добра и зла. Чья рука сделала его? Та, которая простерлась к плоду запрещенному. Тут изъяснение нашего настоящего. Мы все под крестом, обременены различными бедствиями; для чего? Дабы, подобно Голгофскому Страдальцу, совершивши поприще страданий, взойти чрез них в первобытную славу. Тут изъяснение нашего будущего. Гроб Иисусов празден; почему? Потому, что и все гробы некогда опустеют, отдав мертвецов своих. Преподобному «не дано видеть истления» (Деян. 2, 31) для того, что и все подобные Ему облекутся некогда в блаженное бессмертие. Не напрасно в час смерти Его содрожалась сама земля, помрачалось само небо, раздира-

лась завеса, мертвые восстали из гробов: на Голгофе решалась судьба не человечества токмо, но и всего мира; там искуплена вся тварь в свободу славы чад Божиих!

Столько тайн во гробе Иисуса для веры и надежды. Менее ли для любви? Хочешь знать, как должно любить Бога и ближнего? Не спрашивай о сем никого: взгляни на распятого Господа, и познаешь, что значит любовь истинная. Хочешь ведать, до чего следует простираться терпению, смирению, преданности и незлобию? Не умствуй много о сих добродетелях: взгляни на распятого Господа, и увидишь, где им предел и какая мера. Ищешь побуждений к покаянию, средств к тому, чтобы согреть оледеневшее от греха сердце? Обними мыслями живоносное Тело: если оно не согреет твоего сердца, то ему остается один пламень адский. Все найдешь во гробе Спасителя, всему научишься у креста, только, представ сему гробу, заставь умолкнуть в себе все земное, удали от себя суеты и заботы, расстанься с миром, останься один с Иисусом. Ах, останься! Ужели не можешь пребыть с Ним единым и единого часа? И для чего пребыть? Дабы принять от Него оставление грехов, дабы услышать: «Днесь со мною будешь в раи» оправдания, дабы потом быть и в раю вечного сожительства. Без сего что пользы от стояния у креста, от поклонения гробу? С рассеянными мыслями тотчас рассеются и благие впечатления, здесь полученные; огонь небесной любви, возженный от гроба, скоро погаснет от наглого дуновения страстей; вопли плоти и крови не замедлят заглушить тихий глас пробудившейся совести. Святая Церковь видит сию опасность и посему-то так заботливо предостерегает от оной.

Да умолкнет убо, братие, да умолкнет всякая плоть человека и да стоит здесь со страхом и трепетом и ничто же земное в себе да помышляет. Аминь.

Слово в Великую субботу

О всеобщей виновности в смерти Сына Божия

Между священными законами, данными народу Израильскому чрез Моисея, есть закон и на тот случай, когда бы нашлось где-либо на поле тело человека убиенного, а между тем не было бы известно, кто убийца. В сем случае старейшины ближайшего к мертвецу града должны были собраться к телу его и, по принесении в жертву юницы, умыть над главою ее руки, и потом сказать над убиенным собратом своим: «Руце наша не пролияша крове сея, и очи наши не видеша: да не будет кровь невинна на людех твоих Израиля!» (*Втор. 21, 1–9*).

И пред нас, братие мои, изнесено, как видите, тело Убиенного; а убийцы нет при нем! Мы собрались, по-видимому, для оплакивания мученической кончины сего Страдальца. Но это еще не доказательство нашей невинности. А убийцы? Разве они не делают иногда того же, не показывают сожаления, не проливают даже слез над жертвою их злобы?

Можем ли, убо, стать у сего гроба и, призвав во свидетели Бога, сказать: руки наши не проливали сей крови, и очи наши не видели?

Не проливали сей крови?.. А что же делали эти руки, когда соплетали клевету на брата своего или сеть для обольщения невинности? Не проливали крови сей? А что же другое делали, когда подписывали приговор, яко преступнику, тому, кто чист руками и сердцем или составляли подлог и неправду в обязательствах и завещаниях? Не проливали этой крови? А что же проливали, когда поднимались на угрозу бедным и сирым, на

заушение тех, кои не могли ничем отвечать нам, кроме вздохов и слез?

Божественный Страдалец предан, умучен и умерщвлен не от кого другого, как от неправд и страстей человеческих: Он вознесен на крест, яко жертва за грехи всего мира. Итак, чтобы быть невинным в ранах и смерти Его, надобно быть чистым от греха и беззакония. Но где и в ком сия чистота? Вопросим святого Иова. Он ответствует: «Кто чист будет от скверны. Никтоже, аще и один день житие его на земли» (*Иов. 14, 4*). Спросим святого Давида. Он вопиет: «Вси уклонишася и неключими быша; несть творяй благостыню, несть даже до единого» (*Пс. 13, 3*)! Спросим святого Павла. Он повторяет то же: «Вси согрешиша и лишени суть славы Божией» (*Рим. 3, 23*)! Спросим свою совесть. Она говорит еще более, то есть, что мы сами, вопрошающие о сем, есмы, если не первые, то далеко и не последние из грешников.

После сего нечего нам со старейшинами Израилевыми свидетельствовать о своей невинности. Надобно употребить над сим убиенным Страдальцем те же слова, только в противном смысле, то есть стать у сего гроба и сказать: наши, наши руки наложили сии язвы и пролили сию драгоценную кровь! «Сей грехи наши носит и о нас болезнует» (*Ис. 53, 4*). В Иуде продало Его наше корыстолюбие; в учениках, Его оставивших, изменило Ему наше легкомыслие; в Пилате осудило Его наше правосудие и лицепрятие; в разбойнике и книжниках глумились над Ним наше вольномыслие и кощунство; в воинах пронзила Его наша лютость и буйство; в Каиафе запечатали гроб Его наше нечестие и ожесточение: «Сей грехи наши носит и о нас болезнует!»

Без сомнения, Спаситель наш, приняв на Себя неправды наши, никогда не возвергнет их паки на нас:

нет, Его любовь и милость к нам нераскайны! Но, когда мы, освобожденные смертью Его от клятвы и казни за грехи наши, снова предаемся беззаконию, то они сами собой паки упадают на нас со всей их тяжестью, и мы снова являемся врагами Богу, виновными в смерти Сына Его, в крови и страданиях возлюбленного Спасителя нашего, еще более виновны, нежели судии, Его распявшие. Ибо они, распиная Его, не знали, наверное, Его Божественного достоинства: «аще бо быша разумели, – говорит апостол, – не быша Господа славы распяли» (1 Кор. 2, 8). А мы совершенно знаем, Кто распинаемый, – что Он есть Единородный Сын возлюбленного Отца, сияние славы и образ ипостаси Его. Посему; презирая смерть Его, за нас подъятую, мы надлежим ответу, как Его убийцы.

Подлежать ответу в убийстве Сына Божия! Чувствуешь ли ты, грешник, весь ужас сей мысли? Чтобы объяснить тебе это, вообрази, что близ дома твоего найден человек убиенный; что этот человек так важен, что все царство не стоит его единого. Представь за сим, что на тебя пало подозрение (только подозрение) в его убийстве и правосудие готовится преследовать тебя, как убийцу. В какой бы ты при сем пришел страх! И каких не употребил бы мер, чтобы доказать или свою невинность, или вознаградить, если можно, содеянное? Но вот убиен, и Кто убиен? Не простой человек, а Сын Царя Небесного. Мы сами не можем не признать своего участия в Его мученической смерти, и что же мы делаем вследствие сего? Не чувствуем даже важности своего преступления! Ибо, если бы чувствовали хотя сколько-нибудь, то давно престали бы быть рассеянными зрителями сих ран и сего венца тернового. Если бы чувствовали сколько-нибудь, то давно употребили бы все силы и средства на то, что-

бы освободиться от грехов, кои делают нас виновными в крови Спасителя нашего.

«Но, при всем желании моем, я, — скажешь, — не могу уже возвратить прошедшего: грехи, мною содеянные, вечно останутся грехами». Правда, возлюбленный, что мы с тобою не можем возвратить прошедшего; но можем располагать настоящим, даже будущим, поколику оно имеет перейти в настоящее. Итак, сделаем то, что можем. Грехи и страсти человеческие умучили и вознесли на крест Спасителя нашего: престанем убо грешить и быть рабами страстей; утвердим волю и желание свои в законе Господнем; начнем служить Богу живому и истинному с тем же усердием, с каким служили доселе миру и страстям своим; сделаем, говорю, все это, и Кровь Сына Божия, пролиянная на кресте, хотя пролияна от нас, то есть от грехов наших, но не будет против нас, а за нас — в наше оправдание, в наше спасение, в нашу добродетель и заслугу; грехи наши останутся и тогда грехами, но разность в том, что, коль скоро мы перестанем грешить, то они сделаются как бы чуждыми для нас, ибо их примет на Себя Искупитель наш, примет и изгладит крестом Своим.

А без сего, жестокий властелин, сколько бы ты ни поклонялся сему Страдальцу, лютое бичевание, Им претерпенное, — от тебя, который, по слепому произволу лютого сердца своего, так беспощадно бичуешь подвластных тебе.

А без сего этот терновый венец — от тебя, гордый и неразумный мудрец, который пославляешь жалкий ум и познания твои в том, чтобы глумиться безумно над предметами веры и нравственности христианской потому только, что они выше понятий твоего бедного разума.

А без сего эта рана в сердце Божественного Стра-

дальца — от тебя, недостойный пастырь церкви, который, имея права выну входить во святая святых, вносишь туда с собою мерзость запустения душевного, устами и руками совершаешь тайну спасения, а в сердце и мыслях делаешь тайну неправд и беззакония.

А без сего, то есть без исправления жизни и совести, без предания себя в волю Искупителя нашего, без соображения себя с Евангелием и примером Его, чтобы мы ни делали, как бы набожны ни казались, все мы пред судом правды Божией обретаемся, яко убийцы сего Божественного Страдальца: на всех нас кровь Праведника сего!

Теперь мысль сия легко может казаться неважною для многих: никто не взыскует сей крови, мы приходим к жертве нашей и отходим, яко невинные. Но так не будет всегда. Настанет время, когда сей Божественный Страдалец явится Судиею всемогущим, когда сии руце вместо Евангелия примут молнию и громы на нераскаянных. Что будет тогда с тобою, бедный грешник? Что речешь? Чем оправдишься? Куда скроешься? Где найдешь покров и защиту? «Страшно есть впасть в руце Бога живаго» (*Евр. 10, 31*)! Сто крат страшнее впасть в сии руце за Кровь Сына Божия!

Познаем же, братие мои, благотворную силу сей святой и страшной тайны! Убоимся самого преизбытка любви Божией к нам недостойным. Окропленные Кровью завета вечного, отвергнем грех и всякую нечистоту, да причастницы жизни вечной будем! Аминь.

Поучение на Пасху

Христос Воскресе!

О чем молились мы в продолжение святой сорокадесятницы и чего просили у нашего Господа, то самое ныне вполне даровано нам Его благодатию: мы достигли в пречестные дни страданий Христовых и теперь поклоняемся святому и славному воскресению Его! Радостен, братие, праздник сей и на земле: как же светел и торжественен он должен быть на небе! О, если бы всем нам достигнуть таким же образом и того блаженного дня Воскресения, причаститься и той неувечерней Пасхи в Царствии Отца Небесного, коим не будет уже конца! Но мы достигнем, непременно и все достигнем сего блаженства, если на всю земную жизнь нашу будем взирать, как на святую сорокадесятницу, — как на приготовление к великому дню всеобщего Воскресения.

Кто может теперь для верных рабов Господа затворить двери жизни вечная, кои отверз Он? Кто может похитить нас из рук Его — Всемогущего? (*Ин. 10, 28*). Разве мало цены уплачено за нас? Разве не вся Кровь пролита на кресте? Не весь дух предан Отцу? Теперь не только любовь, самая слава Спасителя нашего требует, чтобы мы были спасены. Правда, что у нас, как и у Него, много злобных и сильных врагов; но на Голгофе истощены и попораны все силы ада; и нам, при помощи благодати, остается теперь не столько сражаться со врагами, сколько преследовать их, пораженных, и собирать плоды победы. Станет ли против нас мир? Он побежден в лице самого князя мира: «и победа, победившая мир» (*1 Ин. 5, 4*), смерть и заслуги Исккупителя нашего,

вся досталась нам: живою верою в крест Его, как щитом, отразятся все соблазны мира. Будет ли изменять плоть? Она немощна и долупреклонна; но бдение и молитва могут на крылах своих и эту тяжесть поднять от земли и заставить стремиться к небу. Против плоти и крови бральной и греховной мы имеем теперь Тело и Кровь Божественные, коими питаемся в Евхаристии. Притом дух благодати, ниспосланный нам воскресшим Господом, есть дух крепости и силы; если, стяжав, не будем угашать его, то пред нами сокрушаются все забрала плотских искушений. Дерзнет ли, наконец, стать на пути нашем к небу сам князь тьмы? И он станет на одну свою погибель; ибо поражен уже во главу крестом. Это теперь такой дракон, на коего, по выражению пророка, безопасно может налагать руку и «малое дитя» (Ис. 11, 8), – младенец во Христе. Если он и в нас не будет иметь «ничего своего», как не имел «ничего своего» в нашем Спасителе (Ин. 14, 30), то все ужасные рыкания его вокруг нас будут подобны гласу животного, стрегущего наши дома. Воскресшим Спасителем дарованы нам все «силы, потребныя к животу и благочестию», ниспосланы все средства, необходимые к сохранению себя невредимыми от мира, плоти и диавола; после сего наше спасение зависит от нас, – от нашей верности Спасителю нашему и Его Божественному учению. Только бы мы не погребали в земле беспечности талантов благодати, нам данных, «делали дело» спасения своего, «дондеже день есть» (Ин. 9, 4); а Он исполнит Свой обет, будет «наставлять нас» (Ин. 16, 13) чрез слово и Духа Своего «на всякую истину, облечет нас силою свыше» (Лк. 24, 49) и ниспошлет в сердце наше утешение среди всякой скорби земной. Только бы мы, изшед из Египта – естественного рабства, не обращали паки к нему лица

и сердца своего; освободившись от рабства фараону – богу века сего, не полагали потом сами на себя уз греха; вступив в пустыню самоотвержения, не останавливались у вод пререкания, не сливали тельцов и не поклонялись им; а Он не забудет Своего долга, рассеет пред лицом нашим всех врагов нашего спасения, проведет нас немокренно чрез самый Иордан – поток смерти, и введет в Ханаан небесный.

Тягостно, братие, и претрудно шествие по пустыне мира для взыскующих горяго града; но земля обетованная кипит медом и млеком! Долги иногда и примрачны шесть дней земного делания; но седьмой день покоя вечного исполнен веселия неизреченного! Будем ли жаловаться на тернии и волчцы, встречающиеся на пути, сами засеяв ими всю землю и непрестанно возвращая их грехами своими? Отложим ли восходить на небо потому только, что надобно идти туда по лестнице креста? И теперь, в земле изгнания и бедствий, отрадно воспевать песнь победы над смертью, хотя победа сия еще не усвоена нами: как же восхитительно будет праздновать великий день обновления там – на новой земле обетования, где на радостный глас: «Христос воскрес!» небо и земля, весь сонм творения будет отвечать: «Воистину воскрес!» Поспешим же, братие, туда духом, доколе не пришли и плотию! Для чего сидеть в бездействии на реках Вавилонских и довольствоваться одним воспоминанием горнего отечества? Смотрите! Царские врата отверсты, и престол благодати виден всякому: это приглашение домой, зов на вечерю! Поспешим же, братие, поспешим: воскресший Спаситель призывает нас! Аминь.

Содержание

Слова на подготовительные к Великому посту недели

<i>В неделю мытаря и фарисея. О фарисейской праведности</i>	<i>5</i>
<i>В неделю мясопустную. О приготовлении к посту</i>	<i>12</i>
<i>В неделю сыропустную. О грехопадении прародителей</i>	<i>18</i>

Слова на Великий пост Слова на дни первой седмицы

<i>Во вторник первой седмицы. О необходимости поста</i>	<i>25</i>
<i>В пяток первой седмицы. О причащении</i>	<i>33</i>
<i>В субботу первой седмицы, по причащении Святых Таин</i>	<i>43</i>

Слова в недели Великого поста

<i>В неделю Православия</i>	<i>45</i>
<i>Во неделю вторую. О святом Григории Паламе</i>	<i>48</i>
<i>В неделю крестопоклонную. О кресте жизни</i>	<i>54</i>
<i>В неделю четвертую. О «Лествице» св. Иоанна Лествичника</i>	<i>69</i>
<i>В неделю пятую. О подвигах прп. Марии Египетской</i>	<i>77</i>
<i>В неделю Ваий.</i>	<i>86</i>

Слова на Страстную Седмицу

<i>В Великий понедельник</i>	
<i>Об Иосифе Праведном, как прообразе Иисуса Христа.</i>	<i>89</i>
<i>О пути в чертог Господень</i>	<i>94</i>
<i>В Великий вторник</i>	<i>101</i>
<i>В Великую среду.</i>	<i>107</i>
<i>В Великий четверг.</i>	<i>111</i>
<i>В Великий пяток</i>	<i>116</i>
<i>В Великую субботу</i>	<i>119</i>

Поучение на Пасху.	124
-----------------------------------	------------

Пост благоприятный

Отв. редактор *А.В. Блинский*
Зав. редакцией *И.М. Ольшанская*
Худ. оформление *Е.П. Фокина*
Редактор - составитель *Н.А. Живолуп*
Техн. редактор *И.И. Фокин*
Вып. редактор *Л.В. Человечкова*

Издательство «САТИСЪ», лицензия ИД № 05426 от 20.07.2001 г.
Межрегиональный фонд «ДЕРЖАВА»,
лицензия ИД № 02981 от 06.10.2000 г.
199178, Санкт-Петербург, В.О., Большой пр., 8/4, лит А.
Тел./факс (812) 323-63-42.
e-mail: satis@mail.wplus.net
www.satis.spb.ru
Отдел сбыта 305-07-78, 323-63-21.
e-mail: satis@pop3.rcom.ru
Представительство в Москве (095) 514-89-45.

Подписано в печать 08.12.2003 г.
Формат 60х90/16. Печ. л. 8.
Тираж 8000 экз.

